

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**

L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 3/63

МАРТ 1939 Г.

№ 3/63

СОДЕРЖАНИЕ :

- Гайдар Баммат — Новые комбинации в Центральной Европе.
- З. Авалишвили — Швейцарские мелодии на кавказской свирели.
- Тамбий Елекхоти — Сепаратисты, Милюков и Керенский.
- В. Оленин — Сказка про "белого бычка".
- Вл. Эмухвари — Идея Кавказской Конфедерации перед судом грузинского профессора.
- Викинг — 18-й съезд.
- Обзор Печати.
- Хроника.
- Библиография. З. А. — О формировании Европы.

23 марта 1939 г.

НОВЫЕ КОМБИНАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ.

РОВНО месяц тому назад, не без некоторого изумления, мы отмечали на этих страницах, что европейское общественное мнение, отвлеченное драматическими перипетиями испанской гражданской войны, не уделяет должного внимания Центральной Европе.

"А между тем, — писали мы, — в этой части нашего континента кипит лихорадочная работа, результаты которой не замедлят сказаться в недалеком будущем".

События — и какие события! — не заставили себя ждать...

Новая перекройка карты Европы совершилась с головокружительной быстротой...

10 марта Прага сделала несчастную попытку государственного переворота в Братиславе, сменив главу правительства прелата Тиссо и арестовав известных словацких патриотов проф. Тука и Сано Маха, а 15 марта Чехо-Словакия уже перестала существовать в качестве независимого государства.

Создавшаяся в течение этих пяти полных драматизма дней обстановка вынудила президента Чехо-Словацкой Республики Гаха и министра иностранных дел Хвалковского, в ночь с 14 на 15-ое, просить Фюрера Германии взять в свои руки дальнейшие судьбы страны.

Во исполнение этого формального обращения главы Чехо-Словацкого государства Германия взяла под свой протекторат Богемию и Моравию и оккупировала своими войсками эти области.

16 марта провозгласившая свою независимость Словакия, в свою очередь, по телеграфу просила покровительства Фюрера и Канцлера Велико-Германии.

Тем временем Венгрия вступила в пределы Карпатской Украины и, пройдя с боем через всю ее территорию, подошла к польской границе.

Пресловутая мечта об общей польско-венгерской границе стала совершившимся фактом.

Однако больше чем сомнительно, что в изменившейся политической географии Европы эта граница сыграет ту роль, которую предназначали ей в Варшаве авторы "третьей Европы".

Ведь только благодаря попустительству Германии, снявшей свое "вето", удалось венгерскому правительству вернуть

короне св. Стефана веками принадлежавшие ей земли Карпатской Украины и дойти до исторических своих границ.

Но ревизионистские планы Будапешта не ограничиваются бесплодными отрогами Карпат. Трианонский "диктат" оторвал от Венгрии много сотен тысяч ее сынов, томящихся ныне под иноземным игом, и лишил корону св. Стефана других, значительно более ценных, земель.

Только динамическая политика Германии на Юго-Востоке Европы и активная помощь Берлина способны создать условия, в которых окажется возможным осуществление национальных чаяний Венгрии.

Нам представляется поэтому, что путь Венгрии, предопределенный ее географией, ее экономикой и национальными задачами первейшей важности, уже выбран и выбран прочно.

Отныне едва ли кому нибудь удастся вовлечь ее в иные политические комбинации.

После Мюнхенского соглашения некоторое время казалось, что Чехо-Словакия примирилась со своей судьбой, реально оценивая свое геополитическое положение.

Но уже с января в "центральной правительстве" федерации стало ощущаться влияние старых Бенешевских идей. Отношения со Словакией и с Карпатской Украиной начали натягиваться. В Богемии и в Моравии возникли трения между чехами и немцами. Недоразумения

между Берлином и Прагой настолько участились, что для урегулирования их в середине января понадобилась поездка министра иностранных дел Хвалковского в Берлин. После этой поездки во взаимоотношениях чешского и немецкого элементов страны как будто наступило некоторое улучшение... но резкая политика чешских мегаломанов в Словакии и в Карпатской Украине дала новый повод для драматической развязки.

Прага слишком переоценила некоторую перемену политического климата, которая произошла в Европе после Мюнхенских дней.

Падение кабинета Стоядиновича, символизировавшего тесное политическое и экономическое сотрудничество Югославии с Германией, приход к власти в Венгрии графа Телеки, которого, быть может без достаточных оснований, считают в некоторых кругах не особенно горячим сторонником Германии, создали впечатление, что быстро нарастают силы, готовые, при поддержке великих держав Запада, дать решительный отпор дальнейшему проникновению германского влияния на Юго-Восток Европы.

Это впечатление было особенно подчеркнуто недавним визитом министра иностранных дел Румынии г. Кафенко в Варшаву.

Надо отдать справедливость румынскому министру. Речь его на банкете, данном полковником Беком, не была похожа на безцветные протокольные речи, которыми обмениваются обычно на официальных банкетах министры.

С исчерпывающей ясностью и категоричностью румынский министр говорил

о "великом европейском пути от Балтийского до Черного и южных морей, который Польша и Румыния призваны бесстрашно проложить".

С октября 1938 года, когда король Кароль решительно высказался против общей польско-венгерской границы, утекло под мостами Вислы много воды...

Несбыточная идея "оси мира и нейтралитета", иначе говоря, блока государств от Балтийского до Черного моря, призванного быть барьером против германской экспансии на Восток, с одной стороны, и против русской агрессии на Запад с другой, сделала за это время значительные успехи. Она не только завоевала румынские симпатии, но успела заручиться некоторым сочувствием Лондона и Парижа...

В этих условиях решительная декларация румынского министра иностранных дел должна была звучать настоящей музыкой для слуха полковника Бека, который не без удовлетворения, вероятно, вспоминал, слушая своего именитого гостя, о неудачном октябрьском визите своем в Синаю...

Но совсем по другому, надо полагать, была воспринята речь пылкого румынского министра в Берлине...

Как бы ни старалась Москва, а с ней и вся большевизанствующая пресса мира, убедить Европу, что коварная Германия лишь для отвода глаз интересуется Украиной, а на самом деле замышляет напасть на Францию или на Голландию, ни один объективный наблюдатель

не может больше сомневаться в политических целях Германии.

Цели эти, продиктованные неумолимыми законами географии и экономики не изменились ни на йоту с того дня, когда в тиши своей тюремной камеры Гитлер написал в "Майн Кампф" вещие слова: "Мы останавливаем вечный марш германцев на Юг и на Запад Европы и... освящаем территориальную политику будущего, думая прежде всего о России и зависимых от нея смежных странах..."

Присоединение Австрии и Судетов, занятие Богемии и Моравии ни в какой мере не разрешили жизненных проблем германской экономики. Наоборот, сильно их осложнили. Инкорпорация этих высоко-индустриализованных и густо заселенных стран, доведшая население Велико-Германии до 86 милл., ставит перед Третьим Рейхом старую задачу экономического продвижения на Восток с возросшей силой и срочностью. Происшедшее непосредственно вслед за Богемией и Моравией присоединение Мемеля ясно об этом свидетельствует.

Никто не сомневается, что Германия не остановится на полпути. Всех интригует лишь вопрос — кто будет следующим объектом ее экспансии.

"Мало вероятно, — пишет парижский "Тан" (20 марта 1939 г.), — что политика гегемонии Германии ограничится оккупацией Богемии, Моравии и Словакии. В таком случае эта политика оказалась бы в тупике. Наоборот, все говорит за то, что в обширном плане Германии страны, взятые ею под протекторат, яв-

ляются лишь путем, который в кратчайший срок должен привести германские силы в контакт с Румынией. Натуральные богатства этой страны, ее источники предметов первой необходимости представляют громадную ценность для немецкой экономики и обеспечивают Германии возможность выдержать, в случае необходимости длительную войну..."

Весьма известный английский журналист Викэм Сид, бывший редактор "Таймса", большой друг чехов и сербов, на котором, к слову сказать, лежит немалая вина за грехи, совершенные во время мирной конференции в отношении венгров, кроатов и словен, в "Газетт де Лозанн" от 17 марта также утверждает, что следующим объектом будет Румыния. Но В. Сид, ссылаясь на довольно любопытный, хотя и несколько сомнительный документ — доклад, сделанный в начале 1936 г. коммерческим агентом при германском посольстве в Москве своему начальнику в Берлине, — утверждает, что контроль румынской нефти, хлеба и леса и уничтожение всех препятствий, мешающих этому контролю — является лишь этапом к основной цели германской экспансии... цель, которая лежит восточнее Румынии...

Ближайшие месяцы, может быть, недели, покажут насколько основательны цитированные прогнозы, и какова будет реакция западных держав.

Во всяком случае Европа вновь вступает в очень тревожную полосу.

Гайдар Баммат.

3. АВАЛИШВИЛИ.

Швейцарские мелодии на кавказской свирели

МЫ все охотно повторяем: будем, как Швейцария.

И, действительно, среди кавказской интеллигенции, знающей по личному-ли опыту, или по наслышке кое что о Женеве, Берне, Цюрихе и о тамошних порядках, давно в моде и все еще пользуется успехом мысль о желательности переустройства — в будущем, когда представится к тому случай, — политических взаимоотношений народов Кавказа по швейцарскому образцу. Мыслится при этом новая “Гельветическая Конфедерация”, с могучим Кавказом, вместо Альп, в качестве спинного хребта, мирное сожительство и процветание там наций, языков, “племен, наречий, состояний”.

Мечта эта прекрасно отражает и любовь к отечеству, которому все мы желаем добра, и уважение к чужим успехам, и преклонение перед цивилизацией, и скорбь о собственных невзгодах и неудачах.

Все это делает понятным наше “швейцарское” настроение, давно ставшее общим местом наших рассуждений.

Не мешает все же немного разобраться в этом нашем искреннем, но несколько простодушном увлечении... А что, если здесь перед нами не более, чем обманчивый мираж, несмотря на некоторое сходство внешних условий Швейцарии и Кавказа?

Спешу успокоить читателя: никакой беды ни для нас, ни для Кавказа не будет в том случае, если окажется, что

швейцарский образец к Кавказу, взятому в целом, не подходит. Будет одним пред-рассудком меньше, а это не так уж страшно. К тому же, неприменимость эта относится к Кавказу, как некоторой совокупности, но не к каждой из его частей. К этому мы еще вернемся.

С политической точки зрения, единственно здесь нас интересующей, существует коренное, основное различие между Швейцарией и Кавказом. Заключается оно в том, что первая всегда была, да и теперь остается страной отдельных кантонов, и разные формы их объединения, известные исторически, от простых “клятвенных” союзов до современной нам тесной федерации, были объединением именно кантонов, сохранявших всегда каждый свою особенность, а не союзом различных, отдельных наций; между тем как на Кавказе сложились исторически и ныне существуют рядом именно отдельные нации, хотя бы и в разных стадиях национальной консолидации; нации, притом, достаточно обособленные в территориальном отношении.

Как их, эти кавказские нации объединить, как образовать из них, в будущем, если не единое, то все же одно связанное целое — это вопрос особый. Почему он, вообще говоря, возникает, и какие здесь возможны решения, этой сложной темы в данный момент можно и не касаться. Достаточно отметить, хотя бы вскользь, что на Кавказе вопрос становился бы во всяком случае, о сосуществовании, бо-

лее или менее организованном, нескольких наций; в Швейцарии же союзом кантонов создалась особая нация, одна, швейцарская.

Не следует, притом, забывать, что Швейцарская конфедерация, та что прославилась в войнах с Германской Империей, с герцогом Бургундским и с другими и наводила, в конце средних веков и позже, страх на соседей своей пехотой, была делом рук одних лишь германских "сепаратистов" и являлась союзом общин, по национальному характеру не различных, но, напротив, однородных, а именно чисто германских. Вступление в это сообщество земель и городов французских, как Женева и др., или итальянских, образовавших впоследствии Тесин, произошло позже. Вообще, из самого процесса образования Швейцарии на Кавказу трудно было бы извлечь для себя какие либо уроки.

Швейцария сложилась вокруг основного германского ядра, союза древнейших кантонов. И поныне в населении ее огромное большинство происхождения германского. Национальные же взаимоотношения на Кавказе, как всем известно, совершенно иные. Был, правда, в истории период, когда формировалось единение различных кавказских земель, разноязычных и разноисповедных вокруг грузинского стержня, трудами и сознательным усилием грузинских Багратидов XI-XIII веков, т. е. путем монархического собирания земель; но процесс этот по разным причинам оказался прерванным. Он сменился обратным течением: торжеством центробежного начала в самой Грузии, и в связи с этим, вместо политического объединения открывался путь расчленению, завоеваниям

и дальнейшему дроблению. Это положение вещей вызвало уже и раньше, особенно же в XVIII-ом столетии сильные местные реакции, облегчившие установление русского владычества на Кавказе, что привело к исчезновению многочисленных, весьма при том разнообразных политических единиц, на которые этот край распадался. Возникшие затем на нивелированной таким образом почве кавказские национальные движения лишь частично питались при помощи исторических корней, оставшихся в целостности несмотря на все старания русской власти их до конца выкорчевать. В остальном движения эти следовали обычной схеме национального развития, так называемых подчиненных народов и принимали фатально характер национальных, политических домогательств, несмотря на постоянное стремление русского правительства рисовать себе — и другим — Кавказ в виде совокупности "местностей и племен", безличных или же обезличенных в национальном смысле.

События 1917-го и следующих годов показали всю ошибочность этого взгляда. Основанные тогда кавказские республики, хоть и не преуспели в политическом отношении были все же свидетельством национального возрождения. Республики эти продолжают — по крайней мере в теории и юридически — существовать и под властью Советов, а, именно, три закавказских государства в виде союзных республик, различные же части Северного Кавказа — в виде автономных единиц в составе советской России.

Последнее обстоятельство, т. е. включение горских народов в схему СССР не в качестве объединяющей их формально

в одно целое советской Горской республики, по аналогии с Грузией, Азербайджаном, Арменией, а как ряда отдельных автономных единиц, бросается в глаза. Оно объясняется, по крайней мере, отчасти, тем, что Горская республика не имела вообще времени для своей консолидации и была сначала же в худшем положении, чем республики южного Кавказа, в смысле возможностей организационной работы, и на юге не особенно благоприятных.

Как бы то ни было, территориальная раздробленность горской части Северного Кавказа, явление, надо полагать, временное, может быть поставлена в связь также и с живучестью в этой среде, до настоящего времени, племенной и языковой разобщенности.

Те же условия дают, с другой стороны, естественное основание ставить вопрос о целесообразности "кантонального" устройства как раз на Северном Кавказе, по причине его большей пестроты в национально-этническом и языковом отношении. Скажут: Дагестан, Чечня, Ингушия, Осетия, Кабарда... чем не кантоны? При желании как раз в этой части Кавказа можно было бы найти, как в Швейцарии, кантоны горные, лесные и плоскостные. И объединение их могло бы мыслиться, пожалуй, на "швейцарский" лад, т. е. в виде союза кантонов, Дагестан и Чечня имели бы в нем особое значение. Кстати, в истории Дагестана встречаются некоторые мотивы не без аналогии с швейцарскими (союзы вольных обществ с политической или военной целью, совместные предприятия на плоскости, военная служба по найму в виде отхожего промысла и пр.).

Разумеется, мысль эта (о применимо-

сти швейцарской политической схемы к горской части Кавказа) должна разумеется с большими оговорками, и, развивая ее, следовало бы вносить сюда на каждом шагу поправки. К тому же на Кавказе приходится считаться, вообще, с трудностями довольно исключительно характера, неизвестными Швейцарии.

Много, например, говорят о швейцарском равноправии языков (немецкого, французского, итальянского; для полноты можно упомянуть о латинском, недавно получившем право гражданства), как о примере, заслуживающем подражания. Но нигде коренное различие условий кавказских и швейцарских не бросается так в глаза, как в области языковой, лингвистической. В каждой из кавказских республик существуют, рядом с языком большинства, языки национальных меньшинств. Кое где не имеется языка национального в прямом смысле слова, и языки племенные дополняются там, по необходимости, языками более распространенными, местными или чужими, в различных комбинациях, и с последствиями практического значения в области школьного дела, образования вообще, судоустройства и пр.

Несмотря на эти трудности, схема "союза кантонов" могла бы, вероятно, оказаться жизненной на Северном Кавказе. В условиях нашего времени, она соответствовала бы и давней традиции союзов вольных горских обществ.

Не то на остальном Кавказе. Применять там, хотя бы мысленно, эту систему — назовем ее условно "швейцарской" — значило бы искусственно создавать или же воскрешать "местности и племена" там, где надлежит устроить доброе соседство и плодотворное сотрудниче-

ство взаимно обособленных и, в общем, уже размежеванных наций. Разложить, например, Грузию на составные части и создать особые "кантоны" из Карталинии, Имеретии, Мингрелии, Кахетии и т. д., было бы довольно безрассудно, и повернуть этим путем Грузию, как целое, вспять — никто, кажется, не собирается. Единство этой страны достаточно рельефно и на деле обнаружилось во время революции, после того как, в течение 19-го века оказалась окончательно изжитой разобщенность грузинских провинций, в последние столетия осложненная династическим фактором, т. е. наличием ряда местных династий. Эта старина уступила место обновленному сознанию национального и культурно-политического единства Грузии, что не исключает, конечно, разнообразия и богатства местных оттенков, наблюдаемых в ее пределах.

Из Азербейджана тоже не выкроить кантонов по швейцарскому образцу. Но, как в Грузии, и там могут быть свои, внутренние "кантоны", точнее, привилегированные, автономные провинции, но это уж тема другого порядка.

О "кантональной" системе любили в свое время говорить армяне, она давала возможность, так по крайней мере им рисовалось, лучше оградить интересы их меньшинств в Грузии и Азербейджане. Было это в пору дореволюционную.

В общем, эти беглые замечания приводят к заключению, что швейцарская политическая схема не подошла бы ничуть ко всему Кавказу, взятому как одно целое; и что из составляющих его наций наиболее "швейцарскими" по призванию являются горские народы Северного Кавказа. Полагаю, нет надобности

в особом подчеркивании всей условности этой аналогии.

В заключение не лишним будет напомнить хоть в нескольких словах о значительнейшей из "швейцарских" тем в приложении к Кавказу, а именно о постоянной нейтрализации по соглашению держав, с надлежащими гарантиями и с возложением на постоянно нейтральное государство, в данном случае союзное, обязанности по защите нейтралитета. В 1815 г., на Венском конгрессе, державы признали, что "общий интерес повелевает установление в пользу Швейцарского Союза преимуществ постоянного нейтралитета". Одновременно, решено было "предоставить ему способы к обеспечению его "независимости и ограждению его нейтралитета". Делалось это в "уверенности, что патриотизм и благоразумие швейцарцев подскажут им целесообразность и необходимость взаимного забвения споров, их разделявших" и т. д.

В наши дни все это, и даже весь швейцарский оазис могут показаться чем то старомодным, отголоском, в эту более трагическую эпоху "доброе старое время". Может подвергнуться испытанию и "постоянный нейтралитет" Швейцарии. Этим несколько не уменьшается ни ценность идеи, в нем заложенной, идеи оправданной опытом, ни приложимость ее к Кавказу. Она даже и теперь не чужда политическому кругозору многих кавказцев. Утопической она может представляться сегодня, и оказаться реальностью в условиях завтрашнего дня. Но для этого не мало трудов и предвидения требуется... от нынешних утопистов.

3. Авалишвили.

ТАМБИЙ ЕЛЕКХОТИ.

Сепаратисты, Милюков и Керенский

ПЕРЕДОВАЯ статья “Последних Новостей” от 8 января 1939 г., посвященная русскому Рождеству, заканчивалась пожеланием: “найти России себя, как можно скорее: время не терпит. Тогда наступит настоящий русский праздник”. Это — капитальное пожелание, и от себя добавим, что пожелание очень кстати. Мы бы охотно присоединились к такому пожеланию для русских людей, если бы автор помянутой статьи более или менее уточнил этот **новый и громадной важности русский идеал**. Остается далеко не ясным, кого имел в виду автор, говоря о России, нуждающейся в том, чтобы “найти себя, как можно скорее”.

Россия, как известно, многонациональна. Народы ее живут разной жизнью, говоря на разных языках, исповедуют разные религии, представляют разные расы и, как известно, идеалы официальной России, как до революционной, так и советской, никогда не были общими идеалами. Среди всей этой массы народностей была и есть одна, которая имела один только идеал, бессознательно осуществлявшийся — глотать численно более слабых соседей, очень часто вопреки всякому здравому смыслу, ибо материального недостатка и земельного голода эта народность никогда не испытывала. “Традиционная” политика продолжается на протяжении веков до сегодняшнего дня.

Этим народом были великоруссы, а по новейшей терминологии проф. Милюкова — русские. Никогда точно не определив, чего он хочет в своих собственных интересах, народ этот на всем протяжении своей истории ставил перед собой, как “национальные” задачи, какие-то химеры в духе мирового мессианства. От таких химеричных идеалов народ этот не отказался, как известно, и сегодня, ставя себе задачей осуществление мировой революции и утверждение в Европе и Азии (по крайней мере) коммунистического рая.

Понятен поэтому призыв автора помянутой выше передовицы. Пожелание действительно кстати. Но пожелание “найти себя” никак не может относиться ко всем нам, ибо мы твердо знаем, чего хотим, и наши национальные задачи строго ограничены созданием условий мирного гражданского труда в рамках наших национальных территорий. Мы бы были счастливы видеть русских и, как можно скорее, осуществившими пожелание “найти себя”. Это означало бы новую и счастливую эру и открыло бы возможности для разговоров всех нас с русским народом. Но о чем можно говорить теперь? В прошлом — “освобождение” заморских славян, — войны эти занимают половину всей русской истории, а теперь — освобождение мирового пролетариата. Русский народ никогда не занимался русскими делами, и найти всем национальностям насиль-

ственно пребывающим под властью Петербурга и Москвы общий язык с русскими, — очень трудно.

Кто не помнит победных речей на панславянских съездах в обеих столицах? Выступления Крамаржа и Масарика. Эта музыка была не только чужда, но и враждебна всем остальным народностям России и к их чувствам тогда ни г. Милюков и вся его влиятельная партия, ни другие политические круги — не проявляли никакой чуткости. Сегодня проф. Милюков пытается убедить нас, что великоруссов в природе нет, а термин Русский объединяет и принадлежит всем, составляющим Россию. В самые последние дни для обоснования этой новой теории и чтобы опорочить сепаратистские тенденции среди не русских национальностей, русские политические и государственные деятели поместили ряд статей в органах русской эмигрантской печати. Особенное внимание среди них заслуживают выступления проф. Милюкова и г. Керенского.

В ряде статей г. Милюков пытается доказать, я бы сказал, задним числом, что термины "Русский" и "Россия" не являются определением какой либо этнической группы. В статье "Русская Амальгама" автор рассказывает о том, что

«составные» элементы великорусской, а потом и общерусской амальгамы, процесс и степень смешения настолько не ясны, что трудно сейчас остановиться на каком либо решении. Ясно только, что и славянская часть смеси представляет тут амальгаму настолько сложную, что даже общее название «великорусской» для результата смеси уже становится сомнительным.... «Москва оказалась как раз в центре этой этнической лаборатории и все говоры южно-русского типа пошли отсюда, путем

борьбы со степью и колонизации юга, продолжая осложняться весьма смешанными элементами. Однако, центральное положение Москвы и превращение уже в этой стадии отдельных южно-великорусских говоров в общий сыграло роль в процессе государственного, этнического и языкового объединения около этой центральной завязи....»

Для большей наглядности, чтобы показать уничтожающий для великоруссов процесс их смешения с другими этническими элементами, почтенный автор по проф. Загоскину приводит статистические данные о составе служилых родов и правящего класса Московского царства. Данные очень любопытны: происходящие от —

Рюрика составляли	18,36 %
Польско-литовского происхождения	24,38 %
Других западно-европейских народностей	25,02 %
Татарского происхождения	13,11 %
Других восточных народов	3,93 %
Русского происхождения (включая украинцев)	4,59 %
Неизвестн. происхождения	11,49 %

Приводя эту статистику г. Милюков продолжает:

«Великоруссов мы и тут не нашли, если не относить сюда «русских»; во всяком случае, даже причисляя сюда и «украинцев», мы находим в высшем правящем аппарате от Ивана III до Петра всего 4 ½ % «господствующей» народности. Все остальные 96 %, разумеется, обрусели, а не овеликоросились» (подчеркнуто нами. Т. Е.).

Сведения, приведенные из статьи г. Милюкова, устанавливают два положения. Первое то, что великоруссов вообще в природе уже нет. Это понятие «книжное» — говорит г. Милюков. Та-

кое славянское племя, если и было, то оно настолько смешалось с другими этническими элементами, что можно без особой натяжки утверждать по Милюкову, что великоруссы растворились без остатка в массе других этнических групп. Второе положение, вытекающее из теории г. Милюкова, заключается в том, что словом "Русский" обозначается тот новый народ, который создан в результате смешения всех рас и народов. Приведенная статистика проф. Загоскина имеет в виду правящий класс Московского царства. Это тот самый класс, который создал богатый литературный язык, и обладает несомненно большим творческим потенциалом.

Это тот народный слой, который теперь называется "Русским", и в котором, как оказывается, славянской крови меньше 5%, и стало быть — почти ничего общего не имеющий со славянством. Возникает недоуменный вопрос. Ведь статистические изыскания проф. Загоскина известны г. Милюкову не со вчерашнего дня, и если он не славянин или славянин только на 4%, то каким образом он и его влиятельная среда допускали, содействовали и принимали активное участие в этих панславянских манифестациях? Развивали бешеную пропаганду о всеславянской солидарности, которая стоила в свое время стольких войн и благодаря которой Россия сочла себя обязанной выступить в последней войне на защиту Сербии. Ведь не кто иной, а именно г. Милюков был подлинным вождем предвоенной русской общенности. Что было им сделано для того, чтобы громко заявить, что судьба славянской Сербии чужда и непонятна

для не славянской России и ее многих народов?

При чтении статей г. Милюкова у объективного читателя складывается впечатление, что все народы, находящиеся под властью Москвы, добровольно сошлись и выковали общую государственность, общий язык, общую культуру под общей маркой "Русский", и что в этом добровольном союзе никакой господствующей народности нет. Нет сомнения, что г. Милюков слишком распространительно толкует понятие "русский". Получается неувязка. Мы знаем, что вся эта "русская семья" собрана огнем и мечем. Из всех этих многомиллионных народов нет ни одного, включая и украинцев, который бы когда либо признавал себя русским, считал бы русскую культуру своей, и русский язык своим. Русская культура и русский язык были и остались для всех этих народов в значительной мере чужими. Это касается русской власти, она была властью завоевателя и держалась исключительно на штыках. Под именем "русских" эти народы знают господствующий народ, силой оружия покоривший их и держащий и по сей день в абсолютном подчинении социально - политическом. Спорить об этом, конечно, не приходится.

Но если великоруссы растворились, как говорит г. Милюков в массе других этнических групп, то как раз этого нельзя сказать об украинцах. При предположении их смешения с великоруссами, при их активном участии в создании русского языка и русской культуры, логично было бы допустить, по Милюкову, что и украинцы должны были бы обрусеть, как "обрусели но не овеликороссились" те иностранные элементы, которые от

Ивана Ш до Петра составляли 96% Московского правящего класса. Но этого не случилось. Украинцы на протяжении веков пронесли свой язык и относительную чистоту своего славянского происхождения.

На собственном же опыте мы можем сказать, что как это ни странно, но 80-миллионный русский (великорусский) народ ассимиляторских способностей не обнаружил и никого из наших народов не "обрусил", несмотря на энергичную руссификаторскую политику, методично проводившуюся, напр., на Украине и на Кавказе.

Стоит ли вообще по этому поводу говорить о народах Кавказа и Туркестана?

Взаимоотношения их с русской властью общеизвестны.

Вся теория, развернутая на страницах "Посл. Нов.", не преследует иной цели, как оправдать "твердую" политику русской власти по отношению к подвластным народам. В борьбе "между национальной и государственной идеями" г. Милюков, разумеется, становится на защиту последней. В данном случае имеется в виду защита великодержавной, империалистической, многонациональной государственности, руководимой великоруссами — что то же, русскими.

Государство подчинено во многих отношениях тем же законам, что и человек. Материальные и моральные силы государства так же не безграничны, как и силы и возможности отдельного человека и наступает момент, когда от слишком тяжелого бремени государство начинает расплзаться по швам. Что и случилось с великой и многонациональной Россией.

Позиция г. Милюкова по отношению к советской власти общеизвестна. Он делает все, что доступно в его положении, чтобы всякую опасность от советской власти отвести. Это не потому, что он сочувствует этой власти, как думают обыватели эмигранты. Но г. Милюков прекрасно понимает, что его теория, развернутая на страницах "Посл. Нов.", ни в какой мере не соответствует реальной обстановке. Он понимает, что при малейшем щелчке Советский Союз разлетится как мыльный пузырь, что кроме ГПУ не осталось никаких связывающих народы России нитей. К чему же тогда сводятся все распространительные толкования о значении слова "русский"? Вместо всей этой теории было бы гораздо полезнее и для русских и для всех нас, если бы г. Милюков высказал какие нибудь соображения практического и полюбовного разрешения вопросов, волнующих всех. Сколько мне не приходилось читать и русских и иностранных авторов о происходящем в СССР, никто никогда не потрудился ответить на кардинальной важности вопрос о том, каковы были цели и задачи "русской" революции, которую по моему мнению было бы правильнее называть **восточно-европейской** революцией. В ней приняли участие и углубляли ее не только русские, но и те народы, для которых русские, русская культура и русская власть были чужими.

Не трудно видеть, что революция, вспыхнувшая в Петербурге и распространившаяся по всему лицу Восточной Европы и российской Азии не могла иметь одни и те же задачи, что в Москве и Петербурге. На всем этом необъятном пространстве разные народы, принявшие

активное участие в революции, ждали от нее разных благ. Вот почему не были приняты ими Деникин и Колчак, и почему они проиграли. И нам кажется, что теоретические рассуждения г. Милюкова о федерации, русской амальгаме, государстве и национализме, не дают ключа к практическому разрешению сложной национальной проблемы на Востоке Европы. Выводы следовало бы сделать из характера восточно-европейской революции, из задач, которые она себе ставила, и, наконец, из того, что после бурных потоков этой революции осталось, как незыблемое и неотвратимое.

**
*

Совсем иначе отвечает на волнующие нас вопросы г. Керенский. ("Новая Россия № 62). К проблеме он подходит, правда, довольно примитивно, но как реальный политик. Прежде всего он твердо убежден, что Германия на Западе ничего не ищет и поход ее на Восток неизбежен. В этом отношении я вполне разделяю его уверенность и опасения для России и советской власти. Но для того, чтобы противостоять этим грядущим опасностям г. Керенский рекомендует всякого рода уговоры и разговоры с сепаратистами. "Нужно, — говорит Керенский, — восстановить внутреннюю силу и военную мощь Российского государства". Пожелание, что и говорить, основательное, но г. Керенский не указывает способов, как это сделать. Он находит, что появление сепаратистской заразы в организме слабеющей державы также неизбежно, как появление трупных пятен, и, противореча себе, с одной стороны проповедует "твердую" политику, а с другой признает, что Россия — сла-

беющая держава, так что появление сепаратизма явление вполне законное. Как же тогда при таких условиях восстановить внутреннюю силу российского государства, если там больше половины Советского Союза заражены сепаратизмом? Керенский находит выход из положения и видит его... в распределении мировых конкурирующих между собой сил, якобы "благоприятно складывающихся для России".

Кто то жестоко ошибается в оценке международного положения: либо г. Керенский, либо мы, сепаратисты, ибо и мы считаем весьма благоприятной для нас складывающуюся международную обстановку. Мы считаем, что умиротворение в Западной Европе нас устраивает. Знаем и то, что Москву это никак не устраивает, потому она и делала невероятные усилия, чтобы зажечь пожар войны на Западе. Но похоже на то, что дело большевиков сорвалось.

Пренебрежительное, в общем, отношение к сепаратистам производит впечатление, что Керенский России не знает, в революции ничего не увидел и не понял. Не заметил тех действующих сил, которые его самого вознесли на вершину власти. Его отношение к сепаратистам, примитивное. Между тем, мы даже здесь, в эмиграции, не так беспочвенны, как это кажется г. Керенскому. Вопрос не в том, как думают наши противники, что сепаратисты "продаются, кто дороже заплатит". Самый факт "спроса" на них свидетельствует об их вполне основательном реальном фундаменте, и этот фундамент лежит там, на родине каждого из нас. Когда рядовой эмигрант говорит, что сепаратисты продаются — это еще понятно. Но когда то же говорят и пи-

шут такие люди, как Керенский и Миллюков, это уже означает сознательно и злонамеренно отвергать факт происшедшей и продолжающейся уже 20 лет величайшей в истории человечества революции, в которой сепаратизм народов явился главной динамической силой (см. и Ленина и Сталина, их отношение в первые годы к национальным движениям).

Здесь же все доклады и писания проникнуты тенденцией свести сепаратизм к явлению эмигрантского происхождения. Вряд ли такой подход полезен с точки зрения русских же интересов и достоин серьезных политических противников.

Я когда то уже высказывал мысль о том, что есть весьма существенная разница между моим политическим и моральным положением, как эмигранта, и положением г.Керенского, иначе говоря, есть разница между русской эмиграцией и эмиграцией сепаратистов. Эта разница заключается прежде всего в том, что г. Керенский, а вместе с ним вся русская эмиграция выброшены с родины своим собственным русским народом, русскими крестьянами и рабочими. Нас же никто не выбрасывал и не арестовывал. Мы ушли, при сочувственном содействии народа, от пришедшей из России русской красной армии. Если бы сегодня Россия ушла с Кавказа, увела бы свои оккупационные части мы могли бы вернуться к себе на следующий же день. Связь наша с родиной не прервана. Мы все связаны с нашей землей. У каждого из нас остались земля, семья, кровные связи. Наш патриотизм и сепаратизм почвенный.

Не в таком положении находится подавляющее большинство русской эми-

грации, в особенности политической. Всегда оторванная от русских народных масс она не имеет никаких почвенных связей с родиной. Подавляющее большинство даже не знает, куда они возвратятся, когда к тому представится возможность. Среди русских преобладает имперский, безличный, безпредметный патриотизм.

Миллюков пишет: "низвержение советской власти над Россией в целом — вовсе их не интересует (т. е. сепаратистов). Они борются не против советской власти специально, а против России — всякой России". Я должен подтвердить, что г. Миллюков почти правильно нас понимает. Неверно лишь то, будто мы боремся против России, как таковой. Не против России, а за свою политическую независимость, за наше отделение от России, вот за что мы боремся!

Мы не хотим больше жить под одной кровлей с русскими. Не хотим больше быть под властью страны, сделавшей наши народы опытным полем для всяких нелепых социальных экспериментов. Мы не хотим участвовать в выполнении мировых задач, которые Россия всегда себе ставила, то в виде всеславянского об'единения, то чтобы зажечь пожар мировой революции.

Всеми нам доступными средствами мы воодушевлены желанием сопротивляться физическому уничтожению наших народов. Политика руссификации, проводившаяся дореволюционным правительством и принявшая теперь совершенно дикие формы, угрожает физическому существованию наших народов. Одной из этих мер власти надо считать неслыханные размеры колонизации. В одном

Баку и окрестностях число нагнанных из России рабочих и крестьян превышает 700.000 человек. В гор. Грозном из России же нагнано свыше 250.000 рабочих, для природных кавказцев нефтяные промыслы почти недоступны. Та же политика проводится и в Туркестане и повсюду в нерусских областях. Это ли равенство всех? Вряд ли г. Милюкову неизвестна всеокрушающая тяжесть бремени господствующей нации. Этого господствующего народа исчисляется до 70 милл. и, конечно, если бы большевизм оставался в России еще сто лет то и тогда этому народу ничего не угрожало бы ни его языку, ни его культуре, ни его политической независимости. В ином положении находятся наши маленькие народы.

Методически проводимая политика колонизации нашей страны русскими, отход от ранее принятой национальной политики, насильственное введение для всех наших народов русского алфавита, насильственное преподавание в особо усиленном порядке "языка Ленина", жестокая борьба с адатами и местным укладом жизни, выкачивание всех ценностей, разорение края — все эти мероприятия откровенно ставят своей целью растворить наши народы в русском море.

Борьба там есть вопрос жизни и смерти. Хоть с чортом, но избавиться, и как можно скорее, от ненавистного ига и отгородиться стеной независимости. Так думает последний неграмотный пастиух. Вот почему мы утверждаем, что наш сепаратизм реальный, связанный с родной почвой и идет в унисон с чаяниями наших народов. Информация с родины, которой мы располагаем, свиде-

тельствует, что с посреднической ролью нашей здесь в Европе наши народы связывают все свои надежды на лучшее будущее.

Да, мы желаем уйти от России — от всякой, ибо колонизаторская политика русской власти более нестерпима, и мы спешим воспользоваться моментом слабости господствующего народа. Назовите мне другую колониальную державу, которая бы в своих колониях ставила целью физическое уничтожение подвластных народов! А Россия это делает.

Можно ли надеяться на "восстановление внутренней силы и военной мощи Российского государства" без сепаратистов? Призыв Керенского — платоническое пожелание, не заключающее в себе никакого практического содержания.

Правда, в некоторых, близких к Керенскому, русских кругах, высказывается твердая уверенность, что Кавказ от России никуда не уйдет. Эти круги рассчитывают на верность России грузинских меньшевиков и армян (очевидно, эти заверения им ктонибудь дает).

Но нужно помнить, что грузинские меньшевики не грузинский народ и отдельные армянские деятели в Париже — еще не армянский народ. А все, что мы знаем о положении на Кавказе, абсолютно убеждает в том, что социалистов в Грузии не осталось, об остальном Кавказе нечего и говорить, так как их там вообще и раньше не было. В марксизме, во всех его видах, Кавказ видит величайшее зло, занесенное из России и погубившее и Грузию и весь Кавказ, — такова почва, уготовленная для меньшевиков. Что касается армян, то они особой признательности к России вообще нико-

гда не питали. Не оправдавшаяся ставка на Россию, делалась в противовес Оттоманской Турции, которой в природе уже нет. С новой же Турцией армяне суме-

ют ужиться, поскольку сумеет жить рядом с ней Независимый Кавказ.

События идут быстро, и час освобождения приближается.

Тамбий Елекхоти.

В. ОЛЕНИН.

Сказка про „белого бычка“

ВНЕЗАПНОЕ занятие Барселоны имело, среди других, и такое еще следствие: воочию разоблачена тайна московских застенков. Не хочется подробно описывать этих страшных камер, приспособленных для современных утонченных пыток, перед которыми кажутся такими примитивными средневековые орудия физических страданий. Здесь все научно рассчитано на непереносимые нервные потрясения, ужас которых поневоле заставит человека покорно выполнить какие угодно требования, взвести на себя или на своих друзей и близких любые предложенные обвинения.

Теперь, после Барселоны, мы знаем точно по описаниям и фотографиям, какими приемами и способами достигались обвинительные признания московских процессов. Интересно параллельно отметить, как марксисты и вообще „левые“ разных толков, даже якобы враждебные московскому коммунизму, старались всячески выгородить большевиков от обвинения в пытках. Несколько раз уже появлялись в печати сообщения компетентных революционеров, якобы окончательно разошедшихся с Москвою, по пово-

ду „тайны московских признаний“, которая авторитетно объяснялась ими, как результат социалистической дисциплины. Вы то не знаете, писал, например, известный Раппопорт, и писали ему подобные: как священна в этой среде обязательная для всех моральная дисциплина.

Оказывалось, с их слов, будто подсудимые потому вторили взводимым на них обвинениям, что нельзя по революционно-социалистической этике отказывать в повиновении власти родственно революционной, хотя бы даже иного толка и в данную минуту враждебной. Какая, подумаешь, спартанская верность принципам в этой насквозь преступной среде! И какая наглость лганья!

А все для того, чтобы в защиту мировой репутации большевиков перед так наз. христианской цивилизацией и общественным мнением плаксивых старых лев отнюдь не проговориться, что большевики с полным хладнокровием пытаются своих заключенных, даже еще самыми утонченными способами, доводящими людей до готовности все предпочесть этим пыткам.

Но Барселона с ее обнаруженными

адскими камерами теперь воочию раскрыла страшную правду. Не увидеть, не понять уже трудно.

Вообще испанская гражданская война, заканчивающаяся полной победой генерала Франко, казалось бы, должна окончательно отрезвить и легковверные народные массы, и либеральные, столь терпимые к “левым” течениям общественные круги, и руководящие политические кабинеты нынешних так называемых демократических правительств.

Что такое на самом деле представляет собою какой-нибудь этакий доктор Негрин, которого, можно сказать, еще вчера готовы были прославлять, как выдающегося патриота, избранника народных масс, чьи интересы он рад отстаивать до последнего своего вздоха? Еще вчера миссис Рузвельт в патетической речи изумлялась его непримиримому гражданскому мужеству, его безупречной жертвенности,

Но вот этот самый Негрин, главный персонаж “республиканской” Испании, опора всей ее сопротивляемости, удирает заблаговременно на хорошем, удобном, для этой цели, специально поджидавшем аэроплане, предварительно отправив за границу два десятка больших сундуков, набитых золотом и краденными драгоценностями. Некоторые французские газеты иначе его теперь и не называют, как гангстер. *Tempora mutantur.*

Но мало этого — в самой Испании, в осажденном Мадриде, в среде этих самых “республиканцев”, над которыми главенствовал Негрин, происходит внезапный переворот, и ставшие во главе военные — защитник столицы ген. Миаха и другой руководитель обороны полк. Касадо — именуют Негрина врагом на-

рода, обманщиком и предателем, и удирает он непосредственно именно от них, от своих вчерашних соратников и подчиненных, хорошо обезпечив себе будущее на долгую-долгую жизнь.

Еще на примере Бенеша оправдывался знаменитый римский афоризм, что от Капитолия всего один шаг до Тарпейской скалы, но случай с Негрином куда эффектнее и виднее. Впрочем, при современных средствах сообщения нынешним развенчанным героям куда легче, чем в Риме, спасти свою драгоценную жизнь, перелетев Тарпейскую пропасть на аэроплане.

А Пассионария? Ведь как клялась эта кровожадная неистовая дама умереть вместе со своим народом под ударами поработителей в примадридских траншеях, если уж не удастся желанная всем победа “права, свободы и справедливости”, но и она в предвидении близкой расплаты метнулась сначала во французскую Африку, а когда ей указали, что тут таким быть не полагается, то прямым воздушным рейсом в Париж, где имелись, конечно, и кое какие связи в политически родственных кругах. Вся эта компания вообще устраивается теперь в свое удовольствие.

Говорят, будто вопреки общему правилу, Москва готова оказать гостеприимство этой самой Пассионарии, но, разумеется, большой охоты ехать туда, в особенности надолго, у нея быть не может: сегодня Сталин примет и даже, пожалуй, публично облобызает, но через месяц ему при посредстве какого-нибудь нового Ежова ничего не стоит ее расстрелять, предварительно добившись нужных признаний в порядке “камерной” революционной дисциплины.

Интересно тут мимоходом отметить общую позицию Москвы в ликвидации испанской смуты, в значительной мере обязанной своими формами и размерами развития именно Москве. Теперь она побежденных знать не знает и видеть не хочет. Вся эта бегущая шушера ей отнюдь не нужна и нежелательна. Москва вообще господ политических беженцев не принимает раз и навсегда: ни из Чехии, ни из Германии, ни из Испании, хоть будь они самые ей сегодня преданные коммунисты.

В отношении беглых испанцев Москва уже сделала, что нашла возможным, и что левые газеты торжественно назвали "жест Москвы": она ассигновала французам пять миллионов франков на содержание находящихся тут испанских беженцев, которые обходятся Франции ежедневно 7 милл. Жест щедрый — что и говорить! Но Москва верна себе — она вообще никогда не конфузится и не церемонится.

Та же приблизительно история, что с Пассионарией, произошла и с "генералом" Листером, который организовал международную коммунистическую бригаду "идейных" добровольцев — друзей подлинной "законной" Испании. До чего расписывались всей левой печатью военные доблести этой бригады, но вот в самую решительную минуту она бежала из под Барселоны, без боя, и во Франции оказались не только рядовые, но разумеется и все начальство, и еще переполненные ящики и мешки награбленного золота и вещей. Из 122-х офицеров этой бригады 73 уже приговорены французским исправительным судом на разные сроки за хранение и сбыт краденого. Сам Листер, как и Пассионария, стал, конеч-

но, искать более или менее верного пристанища, чтобы дальше продолжать свою полезную жизнь, а может быть и деятельность.

Кстати — о законности. Удивительными вдруг законниками оказались все международные революционеры, все их сторонники и им сочувствующие. Еще Литвинов, в качестве европейского представителя Москвы, твердил в Женеве об обязанности поддержать законное испанское правительство. О невозможности сравнивать мятежника Франко с законной мадридской властью постоянно напоминали Чемберлену левые депутаты в палате общин, и уже после занятия Барселоны ставили французские социалисты на вид премьеру Даладье, что существует законное испанское правительство, которое нельзя игнорировать и именно ему следует передать хранящееся во Франции государственное золото Испании. Но почему же эта мерка строгой законности не применялась никогда к московским хозяевам?

Так или иначе, несмотря на всю эту тонкую юридическую расценку, на вмешательство левой политической адвокатуры в пользу Негрина и его мадридской легальности, роли теперь диаметрально переместились: всеми европейскими правительствами официально признан ген. Франко, а Негрин выброшен из Мадрида даже собственными своими сторонниками и в полном смысле слова принужден был улетучиться.

Разбитая в Каталонии законная Испания широкой волной хлынула во Францию. Почти до подумиллиона всякого сброда внезапно оказалось на французской территории, и содержание всей этой публики ежедневно стоило более

семи миллионов франков. Не говоря уже о всяких других заботах и хлопотах. Ведь надо было всех их как то расселить, не допускать преступлений и всякого озорства, создать значительные кадры полицейского надзора, судить и карать грабителей и т. п. Конечно, значительная часть понемногу в Испанию вернется, но что делать дальше с остальными? И это как раз самые неприятные и даже страшные — “идейные” политики и коммунисты в перемешку с уголовными преступниками.

На эту тему в одном из заседаний говорил в парижской палате депутатов под крики и улюлюкание крайних левых, пиренейский депутат Ибарнегарэ: куда девать, напр., девять тысяч солдат Интернациональной бригады Листера, на совести которых убийство полумиллиона человек, разгром города Пиксерды и избивание уже у самой французской границы сорока заложников националистов?

Испанских беженцев никто к себе не хочет, ни, разумеется, этих преступников, ни даже ничем себя явно не осквернивших и, так сказать, сейчас уже мирных. Англия согласна принимать лишь единицами, решая в обычном порядке каждый отдельный случай, а Соед. Штаты при всем своем свободомыслии и президентском красноречии не могут повысить принятой уже для Испании цифры — 350 человек в год. Некоторые республики Южной Америки, руководствуясь кровным родством, согласны допустить к себе опытных земледельцев, да еще на их собственный счет, да еще с некоторыми имущественным фондом. Другими словами — все это равно нулю.

А между тем беженцы в поисках лучшей жизни уже рассасываются, усколь-

зая от надзора, стараются проникнуть, кто куда, в пределах приютившей их территории. При этом, руководимая из Москвы, коммунистическая партия Франции, всячески старается их привлечь к себе, не выпускать из своих рук этого ценного для беспорядков человеческого персонала. В Россию, разумеется, им путь загорожен навсегда, но здесь в Европе это самые нужные и подходящие люди.

На первых порах депутаты-коммунисты открыто пытались овладеть этой публикой, появившись на самом месте их принудительного расселения, в черте расположения временных лагерей. Парижские газеты сообщали о том, что депутаты Дюкло (один из вице-председателей палаты) и Марти явились во главе целой коммунистической делегации, чтобы держать речь испанским беженцам и вообще ими заниматься. Но полиция имела соответствующие инструкции и, не взирая на депутатскую неприкосновенность, решительными мерами не допустила вмешательства демагогов.

Депутат коммунист Марти, прославившийся еще в Черном море в порту Одессы, призывая к неповиновению французских моряков, теперь вторично взял на себя в Испании активную роль международного революционера. Его личность подвергается сейчас непримиримому бойкоту со стороны правых национально - настроенных французских кругов, резко враждебных коммунизму.

Депутат Ибарнегарэ в том же заседании палаты выступил с формальными обличениями, поддержанный также другими правыми ораторами. Говорили, что Марти во время своего пребывания в Испании буквально “купался в крови”

и в частности обвиняли его в расстреле французского офицера — командана Делассалья. В связи с этими обвинениями произошла известная демонстрация на обеде у председателя палаты Эдуарда Эррио, когда человек пятнадцать депутатов, в их числе такие видные, как Тетенжэ, Ибернагарэ, Тиксье-Вийянкур, отказались сесть за один стол с Марти и вовсе покинули дом Эррио, одновременно послав хозяйке букет цветов и соответствующие извинения, чтобы подчеркнуть политический характер демонстрации.

Равно также покинули правые депутаты секретное заседание соединенных военных комиссий палаты, мотивируя этот поступок присутствием Марти, который, как, впрочем, и другие коммунисты, не в праве, по их мнению, обсуждать тайные сообщения, касающиеся обороны, являясь на самом деле агентом иностранной державы. В мотивировке прямо указано то самое, на чем не раз приходилось нам настаивать: что коммунистические партии в Европе являются лишь открытой агентурой оплаченного московского шпионажа за границей.

Рано или поздно такие меры предосторожности придется официально принять всюду: коммунизм уже давно перестал быть своеобразным идейным течением, хотя бы и опасным для буржуазии, целиком выродившись в послушную силу, безпрекословно обязанную повиноваться каждому велению Москвы, каково бы оно сейчас не было. Правые французские круги как раз и указывают, что если даже и считать внешнюю политику советов в настоящее время якобы безопасной, то все же имеются в России

так называемые “вредители”, которые передают военные секреты фашистским странам. Это во-первых, а во-вторых — никто не знает в точности, куда именно гнет Москва, и в каком именно лагере она окажется завтра. Пусть только Хитлер согласится...

Тут мы встречаемся вновь все с той же давно известной угрозой, загоняющей западные демократии в порочный круг всяческих соглашений с Москвой и заигрываний с нею, опять возвращая преступную советскую власть в лоно международной политики. Хотя тоталитарный блок, и словом и делом, открыто подчеркивает свой враждебный и непримиримый в отношении коммунизма характер, все же о такой угрозе говорят даже теперь, и в недавнее время громко заговорили заново. А вдруг этот фокусник Сталин сам присоединится к антикоммунистическому пакту...

Остается развести руками, и казалось бы — договорились до абсурда. Тем не менее мы переживаем опять эпоху некоторого нового поползновения завязать дружественные отношения с Москвою, несмотря на всю вновь разоблаченную испанскими событиями сущность коммунизма, который выкинут сейчас даже из Мадрида.

Лондонский полпред Майский устроил большой вечерний прием, где присутствовали видные политические деятели Англии и некоторые члены кабинета во главе с самим Чемберленом, который, правда, пил только французское шампанское, отказавшись от русской водки, но зато с удовольствием ел зернистую икру. Как в свое время о поездке Идена в Москву, так теперь газеты отмечают, что это впервые англий-

ский премьер-министр явился в полпредство, при чем долго и очень дружелюбно беседовал с Майским о разных текущих вопросах и о предстоящей поездке в Россию для экономического соглашения мистера Ходсона. Так как лорд Галифакс по нездоровью не присутствовал на этом вечере, то для него после Майский устроил еще обед, долженствующий содействовать сближению, и на нем в числе приглашенных, разумеется, был также и Черчилль.

В связи со всем этим оживились и подняли голову все сторонники политической солидарности с Москвою, и в Англии, и во Франции, и в правом, и в левом лагере. Опять зазвучали в печати старые мелодии, этот давнишний российский лейт-мотив: «необходимо искать в России силу, способную сохранить европейское равновесие» (так формулирует, напр., парижская газета «Орд», всегда это защищавшая). А вот слова «Фигаро»:

«Случился Мюнхен, — куда советы не были приглашены, и куда их пригласить не могли. Наступило охлаждение в отношениях. Во Франции и в Англии заговорили о том, что «Россия может броситься в объятия Германии». В Лондоне почувствовали необходимость выравнивать положение. В Москву был отправлен новый посол, Вильям Сидс, с миссией — установить добрые отношения с Кремлем. Недавно английский премьер, — и притом премьер-консерватор! — впервые после коммунистической революции, посетил раут в лондонском полпредстве. Явились также почти все британские министры со своими женами. Супруга Чемберлена, у которой был грипп, прислала извещение — но, чтобы доказать, что эта болезнь не была простым дипломатическим предлогом, Чемберлен привез с со-

бой свою племянницу, мисс Валерию Коль.

Наконец, известно, что Хадсон, парламентский статс-секретарь по делам внешней торговли, в скором времени выезжает в Москву. Речь идет о пересмотре торгового договора 1934 года, сейчас невыгодного для Англии. Однако, дело не только в этом. Британский министр, несомненно, даст понять советам, что даже при отсутствии естественной симпатии, общие интересы и борьба с общей опасностью лишний раз сближают Англию и Россию».

Подобных рассуждений можно найти в печати немало. К явлениям того же порядка следует отнести и очень характерную для момента недавнюю речь министра Самуэля Хора о желательности европейской конференции при участии пяти великих держав, т. е. с привлечением к мюнхенской директории также и советской России. Теперь такая концепция уже устарела, но последние события — присоединение Чехии — еще усилили эти тенденции сближения с Москвою.

Начинается опять старая канитель, которая, разумеется, довольно скоро сменится новым разочарованием и новым неизбежным отходом от Москвы в связи с событиями и внешнего и внутреннего порядка. Москва быстро отталкивает, даже при обоюдном желании итти навстречу, всех, с нею соприкоснувшихся: создаются лишь новые осложнения и во вне и внутри, обнаглевают коммунисты, и международный горизонт омрачается, грозя гражданскими распрями и мировой войной. А главное: где Москва — там всегда кончается провалом и поражением. Так что и выгоды никакой нет от общения с нею: всегда верный проигрыш.

Но удивительна эта периодическая смена все тех же самых настроений и по-

пыток, это упорство в преследовании заведомо недостижимых целей. Как на старой шарманке, возврат все одних и тех же мелодий. Есть такая бесконечная французская вариация:

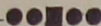
Voulez vous, que je vous chante
La romance du muguet, —
Elle finit, comme elle commence,
La romance du muguet....

И так далее до изнеможения.

А по русски это называется "сказка пробелого бычка".

Впрочем, повторяется она только некоторое время, а потом все же наступает временный конец. Сближение с Москвой оказывается безцельным, опасным и вредным. Москва ровно ничего не дает, а только мутит и осложняет, отпугивая всех кругом.

В. Оленин.

Вл. ЭМУХВАРИ.

Идея кавказской конфедерации перед судом грузинского профессора

ПО ТУ СТОРОНУ баррикад, с которых обстреливается позиция журнала "Кавказ" по вопросу о конфедерации кавказских народов, появилась заметная фигура грузинской политической эмиграции — теоретик одной из многочисленных сект грузинского фашизма, профессор Михаил Церетели. Будучи последователем расистской доктрины германского национал - социализма, г. Церетели сделал опыт применения метода этой доктрины к проблеме Кавказской Конфедерации, чтобы почерпнуть в ней доводы против пропагандируемой нами идеи. При этом у г. Церетели, также как и у других наших противников, не хватает мужества отвергнуть в принципе Конфедерацию Кавказа, — он считает нужным начать за ее здравие, но кончает за ее упокой.

"Идея Конфедерации народов — великая идея, заявляет г. Церетели,

она часто высказывалась представителями кавказских политических партий. Никто никогда не высказывался против самой идеи, но иной вопрос — кто и как представляет себе ее осуществление, или насколько было искренне заявление многих о необходимости Конфедерации Кавказских народов ("Тетри Гиорги" № 103).

"Одно дело, продолжает г. Церетели, вера в необходимость, и другое дело — вера в осуществимость, и тут то начинается сомнение мое — грузина, который глубоко верит в необходимость строительства Кавказа по примеру Швейцарии, но который считает не легким его осуществление".

Вот тут то, в приведенной цитате, и кроется первая глубокая методологическая разница между нашей позицией и позицией г. Церетели. Из слов г. Церетели явствует, что он в принципе приемлет идею Конфедерации не только в узком, технически-научном смысле сло-

ва, как объединение государств на основе международного права, — таким объединением была Швейцария до 1848 г., — но и в той форме, в какой это объединение существует в Швейцарии и в настоящее время, т. е. в смысле федерации, объединения на началах государственного права.

“Кавказ” выдвигает идею Конфедерации не из идеологических соображений, а из потребности реальной политики, в целях ликвидации существующего рабства кавказских народов и коллективной их защиты от попытки порабощения в будущем. Следовательно, мотивом для борьбы за идею Кавказской Конфедерации является у сторонников журнала “Кавказ” жизненная ее необходимость. Она и является совершенно достаточным основанием для Конфедерации, и кто ее признает, тот должен иметь мужество отказаться от всякой филистерской болтовни по поводу трудности осуществления, чтобы не создавать своим вмешательством еще излишние осложнения, а, наоборот, помочь осуществлению. Г. Церетели рассуждает иначе. Для него оказалась недоступной элементарная истина, брошенная Зурабом Авалишвили, нашим противникам, что в археологии нельзя искать материала для построения линии поведения в политике, и он старается именно в археологической пыли найти препятствия к осуществлению идеи Конфедерации Кавказских народов. Препятствия эти оказываются непреодолимыми, ибо они кроются в той расовой противоположности, которая отделяет грузин (повидимому, и армян) от других народов Кавказа. Послушаем по этому поводу самого г. Церетели:

Отметив расовую близость составных элементов Швейцарской Конфедерации, г. Церетели находит, что

“на Кавказе в этом отношении положение неизмеримо хуже, чем было и есть в настоящее время в Швейцарии. Главный народ Кавказа — это грузинский народ христианской религии и христианской культуры с самого начала нового летоисчисления, выросший в греко-христианской культурной среде, находящийся на границе Европы и Азии, в течение веков борющийся с Азией, против ее народов, ее религии, никогда не желавший иранской культуры и не входивший в сферу созданной впоследствии религиозной культуры персидско-арабской. Какое бы “влияние” последняя не оказывала на Грузию — оно было поверхностное и легко устранимое, как занесенная временем пыль. Грузия всегда была врагом Востока и частью Запада”.

“Разве не преисполнена глубокого смысла, спрашивает г. Церетели, совместная борьба Давида Возобновителя и Крестоносцев, борьба, которая имела место без всякого предварительного соглашения, как совершенно естественный факт? Разве Европа не считала его своим естественным союзником, когда он уничтожал живую силу Азии, двигавшуюся на Грузию и Европу? Разве не имело того же значения созданное Давидом сильное государство, которое в конце концов было уничтожено нашествием монголов, т. е. той же Азией. И разве напрасно отправляла Грузия послов в Европу и просила помощи от “естественных союзников”?). И в то же время Грузия, потерявшая надежду, лишенная помощи Европы, вела “реальную политику” с азиатскими государствами, разлагалась

*) Кавычки везде поставлены г. Церетели. В. Э.

политически, уменьшалось ее народонаселение, терялась территория, страна развращалась... И, наконец, обессиленная, чтобы не погибнуть совершенно, не присоединилась ли она к России, считая ее единой и родственной страной? Почему она не отдалась Востоку? Потому что Грузия на протяжении всей своей истории, с тех пор, как она "себя помнит", никогда не была народом Востока, а, наоборот, боролась с Востоком, и измученная им, Востоком, обреченная на гибель, не пощаженная даже братьями-соседями (имеются в виду набеги лезгин на Грузию. В. Э.), бросилась в объятия русского дракона с верою, что если Западная Европа, которую Грузия в течение веков молила о помощи, не спасла ее, то по крайней мере "Северная Европа" может это сделать. Но Грузия была обманута, и ей пришлось бороться с изменившей ей "Северной Европой" с оружием в руках, хотя и эту вероломную Европу она предпочитала Азии". ("Тетри Гиорги" № 103).

Вот в этой противоположности культур Запада и Востока, в ориентации грузин и армян в сторону западной культуры и ориентации Азербейджана и горцев в сторону культуры мусульманского Востока и видит г. Церетели непреодолимое препятствие к осуществлению Кавказской Конфедерации — в этом его основной тезис.

Я не буду подробно останавливаться на всех неувязках рассуждений г. Церетели. Я мог бы парализовать его тезис указанием на тот бесспорный факт, что в руководящих кругах всех кавказских народов в гораздо большей степени распространено религиозное свободомыслие, чем христианская культура, — следовательно нет никакого ос-

нования видеть в христианстве препятствие к строительству Кавказской Конфедерации. Но примем за основу утверждение г. Церетели, т. е. симпатию старой Грузии к Западу, и будем исходить из него. Верно, что Старая Грузия всегда проявляла преданность христианскому Западу и искала у него помощи против Востока; верно, что Грузия предпочла отдаться Западу, чем быть поглощенной Востоком. Но тут г. Церетели не нашел нужным ломать голову над одним чрезвычайно важным вопросом: почему Запад, несмотря на неоднократные проявления Грузией любви к нему, отвечал ей на это полным равнодушием? Почему Запад, пользуясь в моменты необходимости поддержкой Грузии, оставлял ее на растерзанье Востока, вместо того, чтобы внять ее мольбам об оказании помощи? Почему Грузия была обманута единой Россией, этой по выражению г. Церетели "Северной Европой"?

Из этих фактов, констатируемых г. Церетели, явствует, что в психологии Запада была какая-то черта, Грузии неизвестная и ей непонятная. Чтоб сделать более ясным сам собою напрашивающийся ответ, — я сошлюсь на один весьма интересный факт, который по всей вероятности г. Церетели знает: когда мусульманский Восток двинулся на Запад, по дороге завоевал Константинополь, балканские страны, и подошел к Вене, то ему самое энергичное сопротивление оказал народ, по своей расе принадлежавший именно к Востоку, — венгерцы, а поддержку нашел он в народе, который является в наибольшей степени народом западно-европейской культуры — во французах. Чем все это

объясняется? Ответ ясен: в Европе уже давно, на переломе средних веков, определилось положение: руководствоваться в политике не религиозными мотивами, а интересами государства.

Трагедия Грузии в том, что вершители ее судеб не понимали этого положения и все время шли наперекор, требуя другого. Вот тут то мы имеем вторую методологическую разницу между позицией г. Церетели и нашей. С нашей точки зрения, политика имеет дело с целевыми связями, — следовательно, она направляется не органическими, от людей не зависящими факторами, каковыми являются факторы — расовый и религиозный, а наоборот — расчетами, т. е. факторами рациональными. Конфедерация Кавказа является одной из форм целевого объединения: она разрешает те задачи, которые история ставит перед кавказскими народами — и поэтому мы ее принимаем безоговорочно, со всеми вытекающими отсюда последствиями, и боремся за нее. Нам нет дела, кто какую исповедует религию и к какой культуре принадлежал, — природа Конфедерации требует определенных путей, намеченных западно-европейской практикой и формулированных наукой, — мы все это принимаем, и если г. Церетели старается провалить нашу идею, этим он только доказывает, что духовно у него с Западом ничего общего не имеется.

Какими бы недостатками не отличалось выступление г. Церетели против журнала “Кавказ” — а недостатки эти огромны, — оно позволяет нам установить основной порок грузинской политики в прошлом, до аннексии старой Грузии старой Россией, порок, с которым г. Церетели не хочет растаться и в

будущем. Как мы видели, он сводит наши разногласия с некоторыми националистами к абсолютной противоположности между Востоком и Западом, — при этом он совершенно не считает нужным раз’яснить своим читателям, в чем эта противоположность заключается.

Судя по его построениям можно сделать вывод, что эта противоположность возникла со времени появления христианства. Так что народы, принявшие христианскую религию, можно рассматривать, как принадлежащие к Западу. Но по этой простой логике и Абиссиния была Западом, ибо она была старой христианской страной, принявшей христианство в той форме, как оно возникло в Византии. Между тем Муссолини поглотил Абиссинию на том основании, что она принадлежала к варварскому Востоку, при этом, насколько я знаю, г. Церетели с компанией не проявляли ни малейшего сочувствия к ней, — напротив они аплодировали Муссолини. Мы уже отметили, что принимая идею конфедерации, этим самым мы становимся на точку зрения европейской государственности, а принципы ее считаем одинаково обязательными, как для Запада, так и для Востока. Такая позиция весьма современна.

Этим мы вовсе не хотим сказать, что не существовало и не существует известной противоположности между Западом и Востоком, — такая противоположность существовала и до появления христианства. При этом я позволю себе высказать мысль, что самую блестящую страницу в мировую историю старая Грузия вписала не в 1783 г., когда она, выражаясь словами г. Церетели, отдавалась Западу, а когда при знамени-

той первой "дуэли" между Востоком и Западом Грузия стала на сторону Востока: это была война между понтийским царем Митридатом и Римской республикой.

Потерпев поражение в битве с римским военным начальником Помпеем, Митридат бежал сперва в Иберию, затем через Западную Грузию он ушел в Абхазию. Иберийский царь не только оказал Помпею сопротивление партизанского характера, но решился и на открытый бой, несмотря на явное неравенство сил. Грузия была побеждена Римской республикой, но она ей не "отдавалась" и была права. Что было бы если бы Грузия и после принятия христианства вела подобную политику? Она могла и должна была любить свою христианскую веру, но могла вместе с тем быть лояльной к Востоку, иначе говоря — основным принципом грузинской политики должно было быть следующее: во внешних сношениях оставаться верной Востоку, — Персии, а во внутренней политике быть свободной, учась на примерах Запада. К сожалению происходило обратное.

Для пояснения этой мысли вернемся к истории. Прежде всего к войне между Митридатом и Помпеем: когда Помпей начал организовывать Восток, он столкнулся с династическими дразгами в Сирии, которая находилась под протекторатом Римской республики. Помпей воспользовался этим и превратил Сирию в простую провинцию Рима, устранил от власти династию, которая царствовала в течение 250 лет. Когда один из претендентов просил признать его право на престол, Помпей ответил: "никогда я не посажу на трон царя, который не уме-

ет ни управлять своим царством, ни его защищать от внешнего врага".

Конечно, пока жив был царь Иракий, представители русской власти не могли говорить с ним таким языком, но положение резко изменилось при его преемниках. Русские штыки в более грубой и отсталой форме делали в Грузии то, что 20 веков назад легионеры Помпея делали в Сирии. Поэтому было бы гораздо лучше для Грузии, если бы она не старалась призывать к себе чужие штыки, которыми и сейчас г. Церетели в своем преступном безумии грозит Востоку в лице Турции.

Мих. Церетели считается ученым историком среди грузин. Это обстоятельство освобождает меня спорить с приводимыми им фактами. А факт тот, что Грузия имела возможность отправлять на Запад послов. Следовательно, у нея не было необходимости итти на подчинение Западу. Ей надо было делать то, что делала Россия, когда была еще не Западом, а Востоком, в московский период ее истории. Хотя Россия приняла христианство 950 лет назад, но начала она быть Западом после того, как ее гениальный венценосец, спрятав временно свою корону, отправился на Запад с топором в руке в качестве рабочего учиться, чтобы потом строить свое государство на европейских началах.

Но будучи еще Москвой, т. е. Востоком, Россия делала уже попытки обучаться у Запада военному искусству, причем сам Запад мешал ей в этом. Ганзейские города требовали не пропускать некоего Шлите, который вез в Россию, по поручению Москвы, специалистов, мотивируя это требование той страшной бедой, которая последует, "если мос-

квичи усвоят себе военное искусство и вообще технику Запада" (Платонов. Москва и Запад). Судя по труду академика Платонова "в 1535 году в войне с Литвой Москва впервые узнала прием штурма крепости посредством подкопа, мины: именно в этом году литовские войска взяли у Москвы город Стародуб с помощью "подкопа по подземелию ко граду". Московский гарнизон Стародуба погиб потому, что "того лукавства подкапывания не познали, что наперед того в наших странах не бывало подкапывания". Но уже при взятии Казани в 1552 году Москва применила этот метод.

Так надо было поступать и Грузии; вместо того, чтобы искать покровительства, надо было учиться у Запада. Эта задача во всей своей трудности существует и теперь, как для Грузии, так и для всех кавказских народов.

Г. Церетели никогда не имел вкуса к конструктивной работе, — музыка этой работы ему никогда не была понятна, он вечно носился с несбыточными проектами, без них он не может жить и думает, что и жизнь грузинского народа не возможна без этого. Он думает, что грузинский народ существует для того, чтобы питать его собственные планы.

Царь Ираклий, будучи гениальным солдатом, попробовал взяться за прозаическую работу новой организации управления, но он отступил перед тяжестью и сложностью этой работы и кончил тем, что из за отсталых форм государственного устройства, в Крцанисах ему пришлось сражаться с персидской армией, имея горсточку людей. Благодаря своему стратегическому гению, это сражение он все же выиграл, но из за господствовавшей в Грузии анархии вой-

ну он проиграл, и Грузия была жестоко наказана за то, что царь Ираклий повернулся к России.

Был момент в грузинской истории, когда на престоле находился царь, любивший и умевший делать конструктивную государственную работу. Это был знаменитый грузинский законодатель, царь Вахтанг VI, современник Петра Великого. С замечательной энергией и знанием дела он принялся за организацию управления страной. Стоило ему во внешней политике руководиться не симпатиями к Западу, а лояльностью к Востоку, — к Персии, и он мог бы довершить свою конструктивную работу, в которой ему никто не мешал, и Грузия могла бы быть счастлива и избежать тех бедствий, которые постигли ее впоследствии. Но когда Петр Великий пошел на Персию, царь Вахтанг, вместо того, чтобы выступить против него и доказать этим Персии, что чужие штыки встретят на Кавказском хребте геройское сопротивление грузинских воинов, он примкнул к Петру и этим погубил с такой любовью начатое дело. Ему со всеми работниками на конструктивном поприще пришлось оставить страну и умереть на чужбине.

Конечно, для г. Церетели в несчастье Грузии виноваты только другие, и он доходит до того, что причисляет и горцев к виновникам этого несчастья. Но набеги отдельных горских банд ничуть не носили политического характера, — подобные набеги, согласно исследованиям французского историка Фюстель де Куланжа, имели место и внутри Галлии, ибо в условиях отсталых форм жизни всегда найдутся элементы, готовые жить не своим, а чужим трудом, и могут быть использованы для лихих набегов, грабе-

жей и легкой наживы. Стоило организовать правильное управление страной, набегги стали бы невозможными.

Г. Церетели в своей абсолютной неспособности понимать исторические события не замечает того огромного противоречия, которое имеется между приводимыми им фактами и его глубоко-мысленными соображениями. Ведь если Грузия имела законную возможность управлять послов, значит — владела суверенной государственной функцией, и если царь Ираклий принял покровительство России по договору, значит — Грузия имела право заключать международные договоры, — ее надо было спасать только от искания покровителей, в надежде, что так ей будет лучше. Но если, обманувшись и раскаявшись, оказавшись подвластной,

она разорвет новые узы, возвращаясь к старым спутникам, то совершит она не клятвопреступление (что за мелодрама!), а лишь акт государственной необходимости.

Таково лично мое толкование, и пусть все обвинения и угрозы впредь делаются по моему личному адресу: я это приму с полным спокойствием.

Но если г. Церетели добросовестным и научным исследованием фактов убедит меня в ошибочности моего толкования, то я охотно от него откажусь. Только очень сомневаюсь, чтобы г. Церетели был способен на это, я не разделяю легенды об его учености. Уж слишком пахнет демагогией его выступление в "Тетри Гиорги".

В. Эмухвари.

ВИКИНГ.

18-й с'езд

В НЫНЕШНЕМ марте состоялся в Москве восемнадцатый с'езд компартии СССР. Разумеется, было произнесено очень много обычных трафаретных фраз о великих задачах и великих достижениях, о единственной в мире стране социалистического равенства граждан и братства союзных народов и т. д., и т. д. Но были рядом с этим и более интересные, куда более значительные отклики на современную политическую злободневность.

Прежде всего с'езд прошел под знаком, так сказать, государственной оборонческой позиции, нелишенной, с одной стороны, бахвальства, а с другой — тревоги. Маршал Ворошилов был объектом патриотических оваций и успокоительно заверял, что им приняты все необходимые меры для организации обороны на должной высоте в такое тревожное время. Военные силы СССР увеличились якобы на 250—300%.

Формальный глава правительства

Молотов указывал для сведения всего мира, что расправа с изменниками, как Бухарин, Зиновьев, Тухачевский и друг., содействовала лишь укреплению оборонноспособности Советского Союза, и что красная армия, более сильная, чем когда бы то ни было, одинаково готова для борьбы на всех границах против агрессивного фашизма. Бурными овациями сопровождалось выступление командующего дальневосточной армии Штерна.

Нельзя не отметить довольно интересные уточнения всех этих военных тревог, которые мы встречаем только в речи Сталина. Никто, кроме всесильного генерального секретаря партии не решился, конечно, конкретизировать вопрос и поневоле другие все старались держаться в сфере общедекларативной: ведь скажешь еще, пожалуй, не совсем то, что будет завтра считаться подходящим.

Но Сталину все позволено, и он говорит свободно. Поэтому он и дал довольно обстоятельный обзор мирового политического положения со своей точки зрения. Он находит, что уже в сущности началась империалистическая война двух блоков: с одной стороны — Англия, Франция, Соед. Штаты, с другой — Германия, Италия, Япония. Советский Союз в стороне.

Но чтобы отвести от себя главный удар, в западных так называемых демократиях делаются всяческие попытки натравить Германию именно сюда, на восток, на границы СССР. Сталин уточняет: некоторые политики в Европе и в Америке открыто проговорились, что Германия их разочаровала, не начав еще наступления на Советский Союз, — она грозит на западе, требуя колоний, когда

ей всячески открывали дорогу к границам СССР. "Надо думать", заявил Сталин: "что Германии дали возможность раздавить чехов взамен обязательства со стороны немцев начать войну с нами... Но на провокацию мы отвечаем политикой спокойствия, основанной на нашей военной мощи.... Нам нужны мощное государство, мощная армия, мощная разведка.... И смешно думать, что маленькая Прикарпатская область оторвет от нас громадную Украину: это можно сравнить с тем, что муха присоединит к себе слона". Разумеется, все кругом хохотали островам вожда. Все это говорилось еще до последних событий в центральной Европе, значительно изменивших обстановку.

Вторя диктатору, секретарь ЦИК-а компартии Украины, Хрущев, заявил, что все объединены вокруг Сталина, что единение между украинским и великим русским народом непобедимо, а фашистские агрессоры сломают себе шею.

Как будто-бы безопасность полная, и ни в ком Советский Союз не нуждается, но рядом с этим Сталин с тревогой указал, что мирные, не-агрессивные государства только что обвиненные им в страшной провокации, сделали великую ошибку, отказавшись от идеи взаимной коллективной поддержки и подчинившись лозунгу: "каждый за себя".

О непобедимости красной армии, красного флота и славной советской авиации говорил также и Берия, но исходя из своих ведомственных задач, он указал, что для усиления Советского Союза, согласно предначертаниям Сталина, необходимо дальнейшее изгнание из государственного и партийного аппарата всех скрытых и еще не разоблачен-

ных врагов. Это заявление не лишено значительности. Предполагалось, что Берия хочет изменить линию, проводившуюся его предшественником Ежовым, существенно ослабив предпринятую им жестокую чистку. Но вот эта задача вновь появляется, как одна из самых настоятельных на нынешнем партийном съезде.

Она даже вошла в окончательные резолюции, где говорится о полном доверии Сталину, о необходимости еще усилить военную мощь Союза и о беспощадной борьбе с оппозиционными элементами и изменниками. Террор, значит, будет продолжаться.

По поводу мировых задач и работы коминтерна говорил в своем докладе Мануильский, который не мог скрыть многих неудач в этой области. Конечно, он этого так прямо не сказал, а старался отыгаться на статистике, на росте цифр — числа членов коммунистических партий в некоторых странах Европы, в особенности насаждая на успехи комсомола и интерес к коммунизму в среде европейской молодежи, о чем нам уже приходилось говорить на этих страницах. Под всякими вывесками и формами старается коминтерн вербовать членов среди молодежи — податливой на всякие обольщения: тут и спорт, и кружки самообразования, и всякие подачки и льготы, и возможность материально устроиться.

Тем не менее, Мануильский принужден был признать, что ни в Англии, ни в

Америке никаких успехов не достигнуто, увеличение числа членов совсем незначительно и тут, в этой косной среде, "самое слабое место деятельности коминтерна". Сталин в своей речи, касаясь этого вопроса, даже обобщил явление: с международным пролетариатом обстоит дело неважно, потому что агентам буржуазии удалось вселить в рабочую среду недоверие к коммунизму. Разумеется, были очень резкие нападки на нынешние правительства Франции и Англии.

Нельзя не отметить одного интересного момента, неожиданно проскользнувшего в связи с заявлением того же Мануильского по вопросу испанскому. Хотя пелись дифирамбы о героическом сопротивлении народа, о борьбе пролетариата, о доблестях Пассионарии, но тема все-же неприятная и пришлось констатировать поражение. При этом Мануильский довольно неосторожно заявил в прославление побежденной республиканской Испании, что ее поддерживал твердо весь мировой пролетариат, Советский Союз и лично товарищ Сталин. Конечно, раздались неистовые аплодисменты, но все-же получилась "досадная опечатка": вся эта компания, во главе с самим Сталиным официально оказалась в лагере потерпевших полный разгром. Вождю народов это не подобает, и едва ли было ему приятно.

Викинг.

Обзор печати

“СОВЕТ КАВКАЗСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ” И ОБУЗДАНИЕ СТРОПТИВЫХ

В последнем номере журнала “Дамоукидебели Сарактвело”, “органа политических партий Грузии” (читай: меньшевиков) развивается тема о солидарности жизненных интересов Турции, Ирана и Кавказа. По мнению этого органа, Кавказ поставил бы свою подпись под Садабадским договором, т. е. примкнул бы к группировке: Турция, Иран, Ирак, Афганистан, если бы он был независимым в момент подписания договора и т. д.

Это, несколько запоздалое, присвоение... виноват! — усвоение точки зрения, изложенной неоднократно на страницах “Кавказа”, маскируется теперь в “Дамоукидебели Сакартвело” следующей выходкою против нашего журнала:

«Беседуя на эту тему, мы невольно вспоминаем кампанию многоязычного «Кавказа» о том, что будто мы, грузины, борцы за освобождение от России, требуем, чтобы отодвинуты были нынешние границы Турции (имеется в виду грузино-турецкая граница 1921 г.), или еще будто азербейджанцы посягают на границы Ирана! Не думаем, что такая злобная клевета нашла почву в Анкаре или Тегеране; полагаем, напротив, что она испортит репутацию самим клеветникам. Нашим историческим соседям лучше известно настроение кавказских народов, самоотверженно борющихся против господства России за восстановление своей независимости в существующих границах, — и, в это время, бросать им обвинение в антитурецких и антииранских замыслах, — прямое преступление». (№ 154, стр. 2).

“Азербейджанцы” и “вторжение их в пределы Ирана” здесь не причем. Меньшевики ухитрились, в вопросе о кавказо-турецкой границе сесть в лужу на сухом месте, и им хотелось бы в этой нелепой позиции иметь компаньонами товарищей — азербейджанцев! Далее: никто не говорил об “антитурецких” чувствах “кавказских народов”. Речь шла о нелепых, неуместных и политически несуразных стараниях грузинских политиканов разных мастей, оперирующих в Париже и их корреспондентов, скомпрометировать в глазах грузинской эмиграции наш журнал и, особенно, его грузинских сотрудников ссылкой на их мнимое “туркофильство”, на их отказ от исторических прав Грузии и т. д. 4 дек. 1937 г. был даже здесь созван особый митинг с этой целью. Речи тогда произнесенные, принятая резолюция и предпринятая затем в печати ожесточенная травля — все это протекало определенным образом под знаменем “непризнания” грузино-турецкой границы 1921 г. А теперь руководители этой шумихи лепечут нечто бессвязное о признании “существующих границ”, и смотрят умильно в сторону “Анкары” и “Тегерана”, как бы говоря: “ей Богу, мы здесь не причем. Мы всегда”... и т. д. Они полагают, что все так простодушны, как одуроченная ими паства, и примут за чистую монету их “признание”, после того как на “непризнании” они так ретиво старались укрепить свой шатающийся авторитет и заработать кое какие выгоды.

Статья заканчивается обращением к

“совету квказской конфедерации” и его президиуму. Он должен “принять энергичные меры к обузданию подобной недопустимой клеветы” и т. д.

“Совет кавказской конфедерации” и его “президиум” — органы совершенно самозванные, выдумка досужих политиканов, и никакой власти на французской территории не имеют. “Принимать “энергичные меры к обузданию” они могут лишь в порядке доносительства или же совершения безчинств и преступных актов безответственными лицами по их, т. е. “совета” и “президиума”, наущению. С чем мы их и поздравляем.

ЭКСПРОПРИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ.

Старые, опытные экспроприаторы... В дополнение к предыдущему можем добавить еще: дело идет об экспроприации идей и политических позиций. Эмигрантская печать грузинских меньшевиков, стараясь подделаться к требованиям момента заговорила теперь о “реальной политике”, об “идеологических компромиссах” и т. п. И в руководящих статьях, и во всевозможных подаваемых в разные “кабинеты” меморандумах (активность в этом отношении чрезвычайная) всячески развиваются те самые идеи и защищаются те позиции, которые обстреливались с остервенением, да и сейчас предаются анафеме, когда с обычной последовательностью и верностью основным принципам защищаем и развиваем их мы.

К коллекции “сменовеховских” документов следует отнести еще один, секретно циркулярный, но, разумеется, совершенно явный для всех, представ-

ляющий собою, так сказать, квинтэссенцию новых директив, отражаемых в меньшевицкой прессе. Его можно было бы счесть даже апокрифом, если бы не была приложена печать и не имелась бы подпись главного престижитатора — Н. Жордания. Право, можно было бы подумать по началу, что пишет какойнибудь новый сотрудник “Кавказа”.

Но послушаем самого Жордания:

«К МОМЕНТУ».

«Ныне человечество находится в периоде перераспределения территорий и народов.

Такое перераспределение произошло за последний век два раза: в 1815 г. в Вене, что было разрушено революцией 1848 года и, в 1919 г. в Версале, что нарушено теперь перед нашими глазами и разрушается ежедневно.

Человечество отошло от версальского русла, но не обрело еще — нового. Ясно лишь направление, куда идут главные линии. Оно начинается в центральной Европе, с одной стороны, и с Дальнего Востока — с другой. Оба направления сойдутся на широких полях восточной Европы...»

Таким же точно способом передаются взгляды и оценки **оппозиции** на нынешнее положение и в дальнейшем:

«ставится вопрос... что будет с Грузией? растопчут ли ее или она сделается независимой?..»

На это Жордания еще не дает определенного ответа, так как —

«последняя комбинация перераспределения сил пока неизвестна».

Но необходимо объединение всего грузинского народа и устранение разногласий... Прежде всего — нация и нацио-

нальная борьба, потом уже вопросы классовые.

Так происходит всюду, так должно быть и в самой Грузии, — только эмиграция не понимает этого:

«Грузинская эмиграция должна знать, что возможность разрешения нашего вопроса не так далека и ей долг принять горячее участие в этом разрешении».

И вот г. Жордания призывает эмиграцию твердо сплотиться против внешних и внутренних врагов, при чем для отпора первым выставлены следующие два основных положения:

«Возстановление независимой Грузии. Неприкосновенность ныне существующих границ».

Открыто экспроприировав у нас этот второй тезис и присвоив нашу позицию, Жордания в дальнейшем, следуя примеру Сталина, приступает к разгрому тех, кто это выставил, призывая сплотиться вокруг **“национального правительства”**(?), т. е. вокруг него самого... а остальные политические партии и группы **“должны превратиться в культурные и самообразовательные кружки”**.

Значит, дело должно обстоять так:

Единственным **“политическим органом** должно являться **“Национальное правительство”** (тот же Жордания), все остальные политические группы прекращают свое существование, и этот единый **“Национальный лагерь”** должен объединенными силами обрушиться на **“Кавказ”**, — за признание **“статус кво”** — границ, **которые** признает сам **Жордания**.

Вот эта фокусническая махинация должна сделаться базой, на которой строится новая комбинация, чтобы как-

нибудь обморочить общество, нацию и иностранцев.

Испытанные экспроприаторы!

Но не всех они, конечно, проведут: в политике тоже нужна известная принципиальность, а не только **“идеологические компромиссы”**.

ПИСЬМО “ВОЖДЮ НАРОДОВ”.

Эта пространная ода, занявшая целую страницу в **“Известиях”** и **“Правде”** от 10 марта, составленная группой **“узбекских”** поэтов, среди которых фигурирует такое чисто **“узбекское”** имя, как Владимир Линко, в переводе Д. Пеньковского, по нашему мнению, бьет все рекорды, не столько подхалимства, сколько большевицкой беззастенчивости, лганья и наглости. Это тем более, что ода эта, якобы была прочитана и одобрена подписями **“500.000 колхозников, рабочих и представителей интеллигенции Узбекской ССР”**.

Ода приурочена к торжеству открытия 18-го съезда партии. Ея авторы пытаются изложить в стихах те благодеяния, которыми обогатил **Узбекский народ “великий шеф народов”**. Что ни стих то пошлость и ложь. Впрочем, приведем, к примеру, некоторые шедевры этого **“дастана”** (эпоса).

Начинается, конечно, ода здравницей:

«Любимому вождю и мастеру побед народ узбекский шлет свой пламенный привет!»

Затем идет красочное описание жизни-бытья **узбекского народа** в старину:

«Кто нашу кровь не лил, не угнетал нас
ветарь!

Худат, эмир, хақан, бек, падишах и
и царь...»

«Выращивали мы роскошные сады, —
Чужой вступал в их сень, чужой вку-
шал плоды».

Но кто этот "чужой", если не тот же
теперешний угнетатель? Но нет. Сталин
— это родной, свой, "кровь от крови",
"плоть от плоти". Чужой — это во пер-
вых, Ислам:

«Баяк саранча носясь по золотым полям,
Разбойный халифат нас обращал в
ислам».

Русско-большевицкие правители, сла-
вословящие теперь св. Владимира, введ-
шего христианство на Руси, в отноше-
нии узбекского народа введение Ислама
считают явлением самым отрицатель-
ным. Далее:

«Неистовый Чингиз нам учинил раз-
гром:
Узбекистан ему стал проходным дво-
ром...

И налетел на нас свирепый тот тирац,
Железный тот хромец, чье имя Тамер-
лан».

В то время, как русские "трудящие-
ся" большевики вдалбливают в голову
"великие подвиги" Олега, Александра
Невского, Дмитрия Донского, Суворова
и других русских полководцев, которые
занимались не одной только защитой
русской земли, а завоевывали чужие тер-
ритории, подчиняли чужие народы, уз-
бекские трудящиеся не только не име-
ют права гордиться подвигами великих
завоевателей их расы, но и обязаны их
проклинать.

Вот тебе и "историческое прошлое"!

Зато авторы оды с честью выполни-
ли другое ставшее теперь "актуальным"
задание: воздаяние хвалы "старше-брат-
скому русскому народу" за то, что он,

"освободив" узбеков от ига царизма,
взял их под свое высокое марксистское
покровительство.

«И голову подняв, пошел со всеми в
ряд,
И вел нас на борьбу наш старший рус-
ский брат».

Это — Колесовы, Куйбышевы и про-
чие "русские братья", которые затопта-
ли в крови зародыш всякого националь-
ного движения в Туркестане. А теперь
оказывается

Ты нам глаза открыл, наш русский —
старший брат,
Нас обманул коран, царизм и эмират»...
«Народу русскому, великому — хвала,
За славные его, великие дела!
За Ленина — хвала! За Пушкина —
хвала!
Тебе, отец, — за все учение хвала!»

Так новая русская власть, пришедшая
на смену царизма, уничтожает морально
подвластные народы. Царизм, по край-
ней мере, не заставлял "инородцев" уни-
жаться до такой степени, чтобы цело-
вать руку, которая бьет. А русская "про-
летарская" власть ухищряется это де-
лать.

Следующие строки в оде ничего не
потеряют по своей остроте, если заме-
нить слова царизм большевизмом —
удивительно, как большевицкий цензор
просмотрел это:

«Стелили под ноги они*) царю ковры,
Лобзали прах пред ним, готовили шпы
В честь покорителя. Предатели! Они
Нас на презренные меняли чекмени
(халаты).

*) Муллы, бай, эмиры и т. д. Спрашивается, а
теперешние коммунисты и казенные барды; что
же они делают, если не хуже?

Такой мы никогда не видели беды!
 Лишились мы земли, лишились мы
 воды.

Ограблены врагом, унижены судьбой,
 Все чайрикерами (батраками) мы ста-
 ли, голытьбой.

Мы хлопок сеяли и хлеб, но урожай
 Царь отбирал у нас и облагевший бай.
 Тюрьма и голод, плеть и виселица —
 вот

Что на своей земле тогда имел народ...»

Точь в точь, как теперь. Даже больше «теперь чем «раньше».

Стоит прочесть во французском издании «Кавказа» статьи Туркестанли — «Колониальный режим у «интернационалистов», чтобы легко убедиться в этом.

Бедные, подвластные народы!

КОЛХОЗНАЯ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»

За последнее время советские газеты полны сообщениями и статьями о росте советской интеллигенции не только в городах, но и в деревне. «Интеллигенция колхоза имени Рабиновича», «Интеллигенция Кагановича» и т. д. — вот о чем пишут газеты, подсчитывающие интеллигентов — учителей, агрономов, докторов, техников и пр. — и сейчас же воспроизводящие «сравнительную» статистику с царским временем.

Статистика — конечно, вещь хорошая, и надо сказать — большевики побили все рекорды «умелого» обращения с этой дисциплиной. Но, бывает так, что в самый разгар статистических рекордов какая нибудь газета, в порядке «большевицкой самокритики», уничтожает весь эффект, произведенный сногшибательными цифрами.

Какого сорта «интеллигенты» водятся в колхозах?». Послушайте ка этот об-

разец писания одной «колхозной» газеты — «В бой за хлопок», дабы иметь некоторое суждение об интеллектуальном уровне и грамотности ея редактора — Французова, который, несмотря на свою двусмысленную фамилию, является русским на сто процентов. Редактор хочет «раскритиковать» явление, весьма распространенное, среди «колхозной интеллигенции» — пьянство. И вот что он пишет:

...«Не опоздав пришел и колонный механик 5-го отд. т. Иванов, но только не разрешить какие либо вопросы, касающиеся производства, а для того, чтобы напиться водки, взяв стакан, зашел в бухгалтерию налив в него водки, выпив сам, и налив второй, который предложил бухгалтеру Давыдову, но тот отказался, тогда он поставив в стол стакан, а сам вышел».

После этого весьма красочного описания, газета делает такой глубокомысленный вывод:

«Иванов (кол. мех.) меньше всего руководит колонной, он решил лучше заняться систематической пьянкой. А отсюда вполне очевиден результат работы его колонны(?) и читка газет на отделении(?)».

Правда Востока, которая знакомит нас с этим образцом колхозной грамотности, уверяет, что он не единственный в своем жанре. Газета пестрит такими перлами:

«Начиная с Каучи до реки Чирчик гнал лошадей рысь-галоп, не давая им идти шагом»...

«Нечеловечность проявляет к своему ребенку, которое граничится преступлением»..

«Присечь зарвавшегося ездового»...

«На отделении № 7 зашло в привычку»

и т. п.

Вот тебе и интеллигенция!

ИСПАНСКИЕ «НУВОРИШИ».

Французские газеты продолжают сообщать не лишённые интереса сведения о главных персонажах испанской трагедии, выкинутых из Мадрида вчерашними собственными сторонниками. Перейдя на положение богатых «рантье», они не унывают. Вот что рассказывает газета «Жур» в номере от 15 марта:

«Бывший премьер Негрин и министр иностр. дел дель Вайо живут под вымыш-

ленными именами в Париже в роскошных квартирах (Негрин платит на улице Шарль Флокэ 3200 фр. в месяц), постоянно принимает друзей и знакомых, в особенности часто бывая у бывшего республиканского посла Испании в Лондоне — Пабло Аскарате. Они обедают и ужинают в самых дорогих ресторанах и совершают поездки в своих роскошных автомобилях. Пассионария гостит в Иври (предместье Парижа) у депутата-коммуниста Тореза. Все эти люди живут в свое удовольствие. Жизнь дорога, добывает газета, только трудящимся французам».

Х Р О Н И К А

АЗЕРБАЙДЖАН.

Политика руссификации все продолжается. После «нескольких северных и дагестанских народностей», которым дали «национальный» алфавит по русской графике, теперь взялись и за Азербайджан. На днях в Баку состоялось собрание азербайджанской «интеллигенции», на котором какой то неведомый никому «языковед» Давуд Кулиев (?) «поставил вопрос о необходимости перевода письменности с латинизированного алфавита на графику русского алфавита» («Правда», от 30 января 1939 г.). Ряд «ораторов», в том числе певец Бюль-Бюль, который, должно быть, представляет достаточно «вескую» фигуру для решения таких академических вопросов, говорили о том, что азербайджанская письменность сильно засорена арабскими, турецкими, фарсидскими и прочими терминами». Говорили будто «латинизированный алфавит уже не удовлетворяет запросам азербайджанского народа, значительно обогатившего благодаря социалистической революции свой родной язык и литературу».

В результате «все выступавшие» высказались «за перевод письменности на графику русского алфавита».

А что сказали на это 300 человек, которые присутствовали на собрании — об этом ни гу-гу.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ С'ЕЗД.

В Баку состоялся XV с'езд коммунистической партии Азербейджана. На с'езде были избраны депутаты на XVIII с'езд компартии СССР. В качестве первого делегата избран Сталин. Из оглашенного на с'езде доклада видно, что 60 проц. секретарей партийных организаций на местах были устранены и заменены новыми людьми. Эти перемены находятся в связи с борьбой с оппозиционно-националистическими течениями в Азербейджане.

АРМЕНИЯ.

В Известиях читаем:

«Эриванский филиал Академии Наук СССР готовит к печати сборник «Сталин и творчество армянского народа».

Какое отношение? — спросит недоумевающий читатель.

Неволью вспоминается анекдот по поводу «трактата о слоне», написанного еврейским интеллигентом: «Слоны и еврейский вопрос».

На Сиаздарианской районной конференции партии, один из делегатов, Байрамов, «вспомни-

ная слова т. Сталина о капиталистическом окружении», заявил следующее:

«На нас, живущих в пограничной республике, лежит особая ответственность. Мы должны постоянно быть в состоянии мобилизационной готовности, должны уметь быстро распознавать и уничтожать врага».

Кого же имеет в виду этот делегат Армении, посещая при этом же турецкую фамилию? Какое же «капиталистическое окружение» Армении, и с кем граничит эта республика?

Все это ясно. В оценке буржуазно-капиталистического мира, советчики не знают никакой разницы между «фашистами» и «дружественной» Турцией. Только дипломаты жанра Рущду Араса могут делать иллюзии на сей счет.

**

В «Правде» описывается качество мрамора, которым славится Армения. В строительстве московского метрополитена, оказывается, был применен черный с золотыми жилками мрамор Давалинского месторождения. Этим же мрамором будут облицованы и некоторые сооружения строящегося в Москве «Дворца Советов». Таким образом, Кавказ эксплуатируется Москвой во всех его разнообразных богатствах.

Кроме богатейших Давалинских месторождений, мраморный онкс имеется в Агамзали, в 12 верстах от Эривани. Онкс залегает на поверхности десятью мощными пластами. Этот ценнейший мрамор встречается также и в других местностях, пока еще не совсем исследованных.

В 50 километрах от Эривани, в верховьях Агверан-Чая, открыты недавно новые запасы редчайшего по красоте светло-розового мрамора «агверан». По неполным данным, запасы его составляют более полутора миллионов кубических метров.

Большевики задумали облицовать свой павильон на будущей международной выставке в Нью-Йорке, агверанским мрамором.

Интересно было бы знать: имеют ли возможность сами то армяне пользоваться своим мрамором для собственных сооружений?

**

Величайший памятник армянского народного творчества, «Сасунд и Давид» переводится

на грузинский и азербайджанский языки. Грузинским переводом занят поэт В. Абуладзе, а азербайджанским — поэт-орденоносец, Самел Вургуи.

ПРОФЕССОР И. ДЖАВАХИШВИЛИ

В «Правде», четверо грузинских ученых, Дисанашна, Хачануридзе, Мухелишвили и Блишидзе, выставляют кандидатуру профессора И. А. Джавахишвили в Академию Наук СССР. Пользуясь этим случаем, грузинские ученые дают некоторую оценку работ И. Джавахишвили, как историка.

По окончании Петербургского университета, в 1899 г., И. Джавахишвили посвятил себя работе над историей Грузии, а также Армении и Ближнего Востока.

Зная в совершенстве классические (латинский, греческий) и многие восточные языки (персидский, сирийский, древне-армянский, ново-армянский), не говоря уже о европейских, проф. Джавахишвили необычайно расширяет круг изучаемого материала.

Работая над первоисточниками, И. Джавахишвили написал «Задачи, источники и методы истории в древности и теперь» (в четырех книгах: «Древне-грузинская историческая письменность», «Грузинская нумизматика и метрология», «Грузинская палеография», «Грузинская дипломатика»).

Он нашел древнейший список знаменитого сборника грузинских летописей — «Картлис цховреба», список царицы Анны; продолжение того же сборника, составленное по поручению цари Вахтанга VI; сочинение третьего историка царицы Тамары, Басили, и много других, в том числе так называемые «хаметные» тексты. Из капитальных трудов проф. Джавахишвили следует отметить: «История грузинского народа» (вышло четыре тома), «История грузинского права» (три книги), «Экономическая история Грузии» (2 тома), «Исследования по истории грузинской музыки».

Руководствуясь принципом, что историю Грузии нельзя изучать в отрыве от сопредельных народов, И. А. работает над историей соседних с Грузией государств. Так, Армении он посвятил четыре очень важных в научном отношении монографий. Одновременно, проф.

Джавахишвили читает лекции в Тифлисском университете по истории Грузии, Армении и Ближнего Востока. До 1926 г. он состоял ректором Тифлисского университета, теперь он является директором музея Руставели.

Как известно, И. Джавахишвили был избран в Академию.

ОЧЕРЕДНАЯ ПОИМКА «ДИВЕРСАНТОВ».

Правда от 8-го марта сообщает, что доблестные совпограничники под командой лейтенанта Липотенко, обнаружив «следы» разрушителей границы», состоящих из 4-х человек, двоих из них убили (в перестрелке, конечно), а двоих задержали, при чем, повествует газета, «у бандитов были отобраны две винтовки, около сотни патронов с разрывными пулями и другое оружие (какое именно?), а также большая сумма советских денег».

Это еще не все. Оказывается, «при допросе выяснилось, что банда послана из соседнего государства со специальным заданием — восстановить оборванные связи с троцкистско-бухаринскими, буржуазно-националистическими агентами».

Мы бы не остановились на этой хвастливой заметке большевицкой газеты, если бы эта последняя не уточнила район этой очередной блестящей военной операции. Заметка, переданная по телеграфу, устанавливает

этот район на «ближневосточной границе» — иначе говоря, на Кавказе...

Примем к сведению.

ТРЕВОГИ, ЛИШЕНИЯ И РЕПРЕССИИ.

Несмотря на все реформы комиссариатов, о чем мы говорили в прошлом номере «Кавказа», московские газеты отмечают, что в продовольственных магазинах ощущаются сильные «перебои». В частности куда то исчезли овощи, так что власти даже встревожились, и необходимо найти виновников. Идут, поэтому, аресты и предания суду. Исчез даже в Москве такой необходимый и немудреный продукт, как картофель (это в России то, с ее просторами!). Совершенно невозможное положение создалось также нынешней зимой с топливом, (это в России-то с ее углем и лесами!), но впрочем — одно к одному: нигде в городах нельзя достать и спичек. Во всяком случае из за каждой коробки приходится ждать по несколько дней, да потом еще стоять в очередях. Как тут быть? «Правда» сообщает, что правительство решило «до конца очистить столицу от вредительских элементов, авантюристов и жуликов». Способ все тот же, но цели он, видимо, не достигает. Придется, вероятно, создавать новый комиссариат спичек, а потом расстреливать его служащих, чтобы доказать попечительную активность высшего начальства. Таков русский опыт государственного коммунизма, столь защищаемый всеми марксистами.

Библиография

О ФОРМИРОВАНИИ ЕВРОПЫ*).

Под «континентальной Европой», исторические судьбы которой «от мифа (главным образом, об аргонавтах) до настоящего времени», автор обозревает в своих очерках,

*) Um die Gestaltung Europas. Kontinentaleuropa vom Mythos bis zur Gegenwart. Aufzeichnungen von A. Sanders. (Hohenleichen-Verlag, München. 1938).

здесь разумеется (стр. 64) «совокупность водных путей, образующая единое, связанное и замкнутое пространство с сообщениями между морями Северным и Балтийским, с одной стороны, Черным и Каспийским, с другой, по речным системам: Рейн — Майн — Дунай, Висла — Сан — Днепр, Волхов — Днепр, Рион — Кура и Волжский путь, про-

странство от Северного и Балтийского морей до Аракса). Оно-же (это пространство) служит геополитической основой истории, развивавшейся в нем в течение тысячелетий». Из состава так понимаемой «континентальной Европы» выделяется, в качестве «Восточной Европы» особый отрезок, а именно, «пространство, заполняемое полилико-этническими формациями балтийских государств, Белоруссии, дунайских стран, Украины, казачьих областей и Кавказа». Ему, в свою очередь, противопоставляется Сев.-Восточная Европа, от верхнего течения Волги до Ледовитого океана, являющаяся, собственно, как-бы продолжением Северной Сибири.

Автор поставил себе задачей представить в связанной картине все факторы, географические, этно-политические и культурные, воздействием и сочетанием которых определялось историческое развитие восточной Европы, начиная с отдаленной эпохи, отразившей в неясных преданиях (первые проблески общеевропейского сознания), и кончая обширными сдвигами, которых свидетелями мы сами являемся как раз в части Европы, «континентальной по преимуществу».

В книге, на 383 страницах, чрезвычайно планомерно и стройно сгруппирован обширнейший материал археологии и этнографии, не говоря о данных чисто исторических. (См. часть 1). Особенно тщательно изучено все, что иллюстрирует и подтверждает наличие разного рода связей экономических, культурных и пр. между даже взаимно удаленными частями континентальной Европы, и все попытки осмысления ее единства, все исторические опыты ее оформления или организации, хотя-бы частичной. Этим вопросам посвящена более специально вторая часть книги.

Не мало внимания уделяет автор и тому особому характеру срединной Европы («матери-Европы») с ее обширным континенталь-

ным фронтом, обращенным к востоку, который особенно отчетливо обозначился в эпоху открытия новых морских путей в Азию, кругом Африки, и, позже, в Америку. Это имело решающее значение для будущности стран, расположенных на периферии Западной Европы, как Испания, Португалия, Франция, Англия, и «периферический» характер этой части Европы, обращенной к открытым морям, еще ярче оттенил яную, во многом противоположную, ориентированность Европы континентальной.

Автор, между прочим, близко знаком с настоящим положением и с историей кавказских стран*); благодаря чему его книга получает особый интерес для наших читателей.

Странам этим он уделяет, вообще, не мало места в своем изложении, тем более, что, согласно принятой им схеме, достаточно им обоснованной, Кавказ раньше, как и теперь, входил в систему континентальной Европы. Он, например, подробно останавливается на вопросе о географическом распределении монет кавказского происхождения, обнаруженных вкладах западно-европейских стран, начиная от 6-го столетия по Р. Х. вплоть до монгольского нашествия, и приводит не мало других свидетельств о существовании культурных связей между Кавказом и другими странами континентальной Европы.

В третьей части книги, озаглавленной: Народы и государства Восточной Европы, обширная глава посвящена Кавказу (стр. 262 и сл.), в частности-же, Азербейджану, Армении и, особенно, Грузии. Автор останавливается более специально на последней, так как, по его словам, не было возможности, как это следовало-бы, дать одновременно очерк исто-

*) Несмотря на то, что труд этот издан под немецким именем, автор, как нам известно, кровно связан с Кавказом.

рии Армении, Азербейджана, Грузии, Черкесии, Дагестана и, вообще, Северного Кавказа. Судьба Грузии, страны, представляющей известное единство и типично кавказской, взята здесь как-бы в виде характерного образчика. (Стр. 271—293).

В той-же 3-ей части помещены беглые историко-политические обзоры Украины, Донской области, Белоруссии, страны казанских татар, и, наконец, «Московии», т. е. Велико-россии.

Книга эта, превосходно напечатанная и изданная, снабжена большим количеством схематических карт (их 48) и таблиц (их 5, с изображением археологических предметов), весьма облегчающих чтение текста. Ими подчеркиваются тенденции сочинения и рельефнее иллюстрируются мысли автора.

Перед нами не только методическая сводка и организация данных, популяризирующая выводы многочисленных исследований в разнообразных отраслях знания о странах Восточной Европы; и не только смелая попытка изображения исторических стихий, в течение веков сближавших или раз'единявших народы этой части света; перед нами, одновременно, с верою, и убеждением написанный, красноречивый комментарий к многому из того, что происходило у нас перед глазами. Книга А. Зандерса является живым свидетельством движущих идей и устремлений современной нам Германии. Говоря о роли Германии, Япо-

нии и Итали в осуществлении новейших политических сдвигов, о специальном значении Японии в переменах на Дальнем Востоке, а Италии в Африке и в странах средиземноморских, автор предвидел неизбежность аналогичных сдвигов и в континентальной Европе, которая тоже должна найти своего «формовщика». В такой момент являлось, говорит он, необходимым бросить взгляд на прошлое, на деяния и свершения, в которых сквозила идея континентальной Европы, как своеобразной совокупности упорядоченных международных взаимоотношений в ее пределах. А для этого надо было сделать попытку представить, в историческом освещении, и жизнь самих народов, живых организмов, существовавших независимо от часто навязанных им и чуждых им государственных форм. Эта задача выполнена автором с большим талантом и одушевлением.

Книга составилаь из лекций, читанных в Германии. На ней четкая печать эпохи, ныне там переживаемой. Написана она, при всей объективности, с точки зрения особого призвания срединной Европы к устройению дел восточного ее «фронта», а также и с точки зрения звеньев его, ждущих от «матери-Европы» избавления от других «устроителей». Меньше внимания уделено тем, кто таких ожиданий не разделяет. Но это естественно: всего ведь не скажешь даже в обстоятельной книге.

З. А.